

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Ульяна Черкасова

ПОСМОТРИ,
НАШ САД
ПОГИБАЕТ

ХУДОЖНИК

Лидия Магонова

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Ульяна Черкасова

ПОСМОТРИ,
НАШ САД
ПОГИБАЕТ

ХУДОЖНИК

Лидия Магонова

КИСЛОРОД

МОСКВА

2023

*Всем,
кто будет
ждать меня
в нашем саду*

ПРОЛОГ

*Ргзения, Старгород
569 г. от Золотого рассвета, месяц травень*

-Все сказки начинаются положе: с чудовища. Поверь мне, я рассказал сотни и сотни сказок, я точно знаю. Жили-были добрые люди, не тужили, и вдруг налетела беда: буря, крылатый змей, чудище или даже сама смерть, а славный молодец или славная девица отправились в дальний путь, чтобы побороть это чудище.

Стол был липким, а пиво тёплым. От Вадзима разило чесноком, салом и потом. Он сделал глоток, поморщился и поднял загорелую по локоть руку.

— Эй, хозяин! Ты мне вместо пива мочу какую-то налил. Принеси холодного пива!

Пожилой пузатый хозяин корчмы «Весёлый кабанчик» посмотрел на него недовольно и махнул рукой девчонке-подавальщице. Вадзим отодвинул кружку на край стола, взял из миски кусок сала и принялся медленно, смакуя, посасывать. На Белого он не смотрел.

— Так что, да, это порядок такой сказочный: должно быть чудовище.

— Это ты намекаешь, что я — чудовище?

— А-ха-ха! — оскалился Вадзим. — Сам, значит, понимаешь? Да, Белый, ты настоящее чудовище, отличное просто. Я про тебя однажды сказку сочиню или даже целую песню. Смотря как пойдёт.

— И о чём будет эта сказка? — Белый невольно потёр левое запястье.

Руку жгло от двух свежих заказов, и рукав, несмотря на свежую повязку, покраснел от сочившейся крови.

— О Белом Вороне и... да хоть яблоневом саде. Я тебе так скажу: лойтурцы жуть как любят складывать песни о всяких воинах, которых зовут Белыми. Обычно, правда, это какой-нибудь Белый Волк или Белый Медведь, но Белый Ворон тоже пойдёт. Ты вообще подходишь для того, чтобы стать героем песни: волосы белёсые, глаза как молоко, даже нос, — он ткнул перед собой жирным пальцем, и Белый невольно отстранился, отчего лавка под ним покачнулась и стукнула ножками об пол, — сломанный, как раз похож на клюв.

— Не сломан у меня нос, — скривился Белый. — Он с рождения такой.

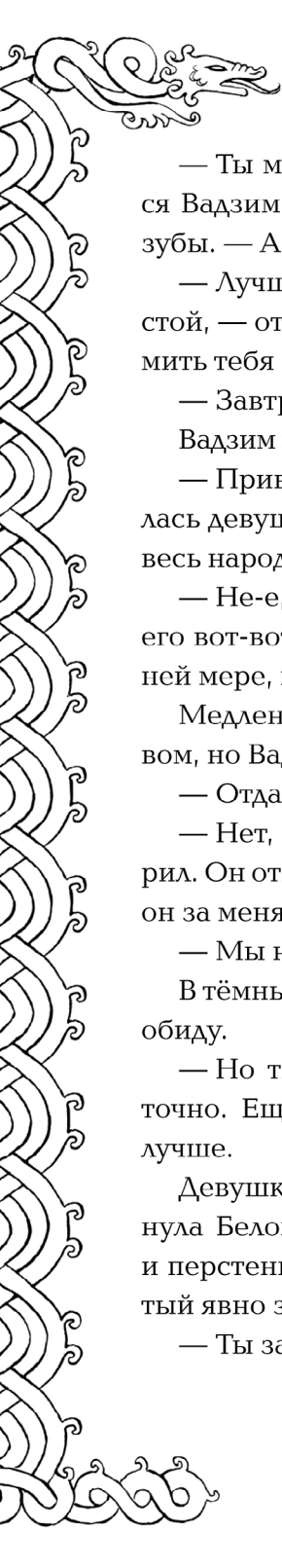
— Уверен? — Вадзим пригляделся с недоверием. — Похоже, что сломанный.

— С рождения, я тебе точно говорю, — голос у Белого был хриплым, сонным. Он придвинул миску с кашей и принялся есть. — Ну что, будем обсуждать мой нос?

К их столу подошла подавальщица и грохнула кружкой так, что пиво расплескалось.

— Вот, — сказала она. — Прямо из погреба. Холоднее, чем твоя бабка в могиле.

— Ты мою бабу не тронь, красавица, — возмутился Вадзим, скаля удивительно белые для его возраста зубы. — А то я про твою расскажу тако-ое...

— Лучше расскажи, когда заплатишь за еду и постой, — отрезала девушка. — Отец не будет вечно кормить тебя за простое спасибо.

— Завтра вечером, красавица, завтра.

Вадзим почесал щёку, ещё больше взъерошив бороду.

— Приведи себя в порядок, — брезгливо поморщилась девушка. — Если будешь выступать в таком виде, весь народ распугаешь.

— Не-е, — протянул Вадзим с таким видом, точно его вот-вот стошнит. — Выступать я не буду. По крайней мере, не завтра.

Медленно подавальщица потянулась к кружке с пивом, но Вадзим перехватил её руку.

— Отдай, — процедила девушка.

— Нет, — надулся Вадзим. Тёмные глаза зло сощурил. Он отпил из кружки и облегчённо вздохнул: — Вот он за меня заплатит. Мы с ним друзья.

— Мы не друзья, — хмуро поправил Белый.

В тёмных глазах Вадзима читалось нечто похожее на обиду.

— Но ты всё равно за меня заплатишь. Половину точно. Ещё половину заплачу сам, когда мне станет лучше.

Девушка повернулась, оперлась рукой на стол и окинула Белого внимательным взглядом. Всё подметила: и перстень, и калиту на поясе, и кожаный дублет, шитый явно за немалые деньги.

— Ты за него платишь? — уточнила она.

— Я плачу ему, — черпая ложкой кашу, холодно ответил Белый. — А он уже пусть разбирается с вами.

— Кхм, — она поджала губы. — Ла-адно, Вадзим, пей своё пиво. Но пока не заплатишь хотя бы половину, больше тебя кормить не будем. И гусли твои я лично разобью на мелкие щепки.

Вадзим скорчил злую морду.

— А смысл тебе, Милка, мои гусли бить? Без них я вовек не расплачусь, — сказал он, но гусли всё-таки придвинул поближе к себе, подумал и вовсе положил с другой стороны стола.

— Не поверю, красавица, что ты сможешь выставить меня на улицу.

Мила медленно склонилась над столом.

— А ты проверь, — недобро щурясь, сказала она. — А ты, — ткнула она пальцем в Белого, — заплати ему. Он должен моему отцу кучу денег.

Наконец она ушла. Белый проследил за ней взглядом без особого любопытства, подмечая торопливую походку и резкие движения.

— Так за что я тебе должен заплатить? — спросил он, зачерпнул со дна миски остатки каши, доел её и положил руки на стол, приготовившись слушать.

— За сказку о чудовище. — Вадзим на весу отрезал неровный ломоть хлеба.

— И яблоневоm саде, — напомнил Белый.

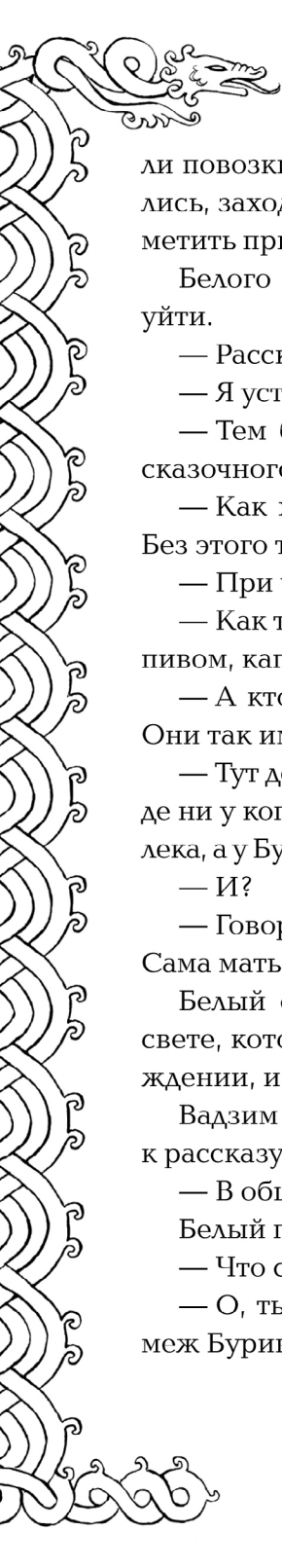
— И о нём тоже.

Говорить о деле Вадзим явно не спешил, и Белый начинал раздражаться.

В «Весёлом кабанчике» с утра былолюдно и шумно, и это не казалось удивительным: стоял он совсем рядом с Красными воротами, через которые проезжа-

ли повозки на Совинский тракт. Многие останавливались, заходили посидеть на дорожку или, наоборот, отметить прибытие в Старгород.

Белого толпа раздражала, и он мечтал поскорее уйти.

— Рассказывай, Вадзим, не тяни, — попросил он.

— Я устал. Топал от самого Твердова...

— Тем более говори покороче. И без этого твоего сказочного, — он покрутил кистью руки.

— Как хочешь, — гусяр выглядел обиженным. — Без этого так без этого.

— При чём тут Буривои?

— Как ты догадался? — Вадзим чуть не поперхнулся пивом, капли потекли по тёмной бороде.

— А кто ещё в Старгороде известен своим садом? Они так им кичатся, будто он из золота сделан.

— Тут дело не в золоте, а в том, что во всём Старгороде ни у кого даже репа толком не растёт, всё везут издалека, а у Буривовоев сад чуть ли не каждый год плодоносит.

— И?

— Говорят, это потому, что они город основали. Сама мать сыра земля их благословила.

Белый с сомнением хмыкнул. Были боги на этом свете, которые от него, Белого, отреклись ещё при рождении, и мать сыра земля стала первой из них.

Вадзим ещё глотнул пива и наконец приступил к рассказу:

— В общем, речь действительно о Буривое...

Белый придвинулся, перегибаясь через стол:

— Что с ними?

— О, ты не слышал? — хмыкнул Вадзим. — Кажимеж Буривой, кажется, вступил в торговую войну.

— Так все в Старгороде в неё вступили, — пожал плечами Белый. — Что с того?

— Буриной, — Вадзим заговорил тише, — теперь на стороне Златоборска.

— Да ладно?

Корчма гудела, точно улей. Без конца хлопала входная дверь, гремели горшки и кружки, стучал топорик в руке хозяйки, тихо ворчала печь, и люди гадели без умолку.

Вряд ли кто-то мог их услышать, но Вадзим всё равно перешёл на шёпот:

— У Буриной остался только младший сын, двое старших утонули во время ледохода, когда ратиславцы попытались прорваться. А у князя Вячеслава Окаянного есть дочь, как раз ровесница мальчишке. И Буриной с Вячеславом договорились породниться через детей.

— Ага, — протянул Белый. — И что от меня требуется?

— Ничего особенного. Просто нужно сделать так, чтобы у Буриной не осталось наследников вообще.

Но знаков на запястье Белого было вырезано не один, а два. Значит, дело не только в мальчишке.

— Так нужен только сын или все дети Буриной?

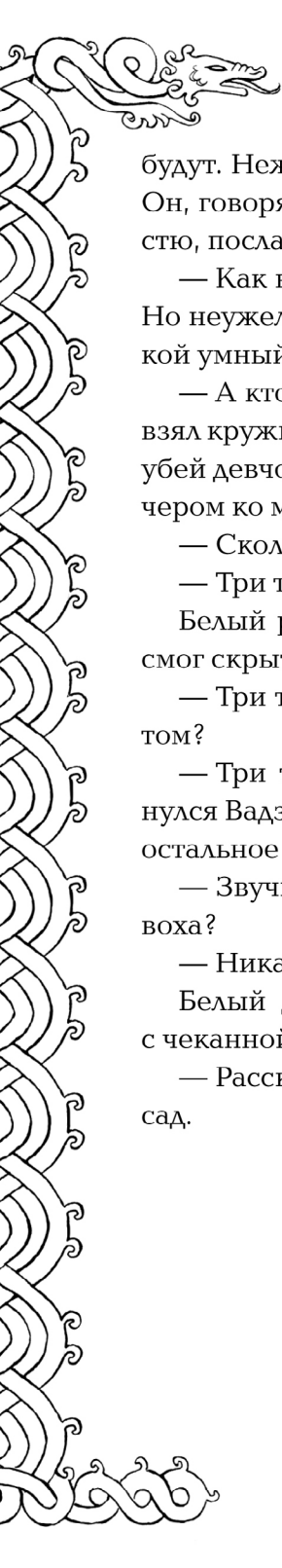
— А детей у него осталось всего двое: сын и дочь.

— Да раз плюнуть. — Белый облизал губы в предчувствии сладкого вкуса посмертков.

Он сильнее впился ногтями в грязную столешницу. Губы невольно растянулись в лёгкой улыбке. Это будет быстро и просто.

— Но лучше поторопиться: девчонку давно посватали какому-то скренорцу из Ниенсканса, и как раз завтра утром она уезжает. Её тут всем городом провожать

будут. Нежелательно, чтобы она добралась до жениха. Он, говорят, знатный воин и может помочь своему тестю, послать людей на помощь...

— Как всё удачно сложилось, — хмыкнул Белый. — Но неужели нельзя было меня раньше нанять? Кто такой умный тянул до последнего с заказом?

— А кто оплатит заказ, тебя не касается, — Вадзим взял кружку, осушил её и вытер пивные усы. — Просто убей девчонку с мальчишкой и возвращайся завтра вечером ко мне.

— Сколько?

— Три тысячи.

Белый редко показывал чувства, но на этот раз не смог скрыть удивление.

— Три тысячи? — хрипло переспросил он. — Золотом?

— Три тысячи золотом, Белый, — довольно улыбнулся Вадзим. — Четверть мне, сам понимаешь. Но всё остальное твоё.

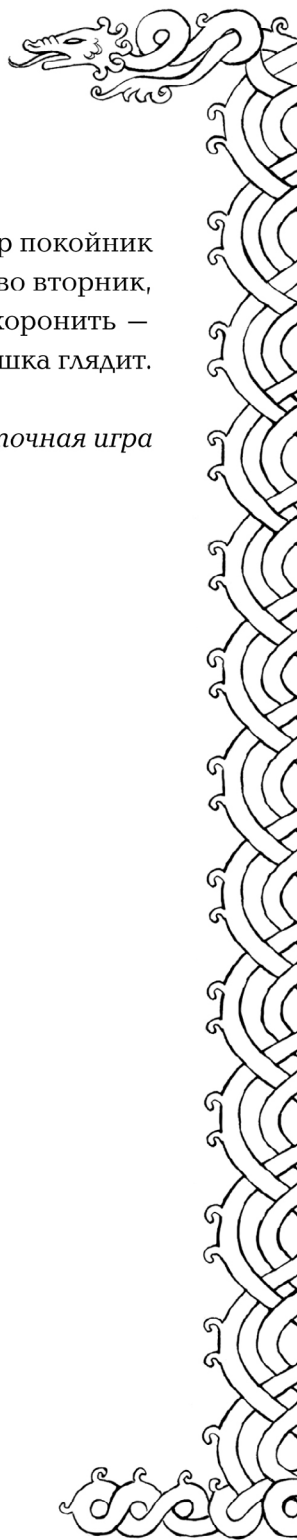
— Звучит сказочно прекрасно. Что, никакого подвоха?

— Никакого подвоха, — заверил гусяр.

Белый достал из калиты пару серебряных монет с чеканной совой, положил на стол.

— Расскажи-ка побольше про этого Буривоя и его сад.

Умер покойник
В среду, во вторник,
Пришли хоронить —
Он из окошка глядит.

Русская народная святочная игра

ГЛАВА I

*Ргзения, Старгород
Месяц травень*

Велга распахнула ставни, и перед ней раскинулось цветущее яблоневое море. Белые волны слегка покачивались на ветру. Буйно расцвёл сад, и казалось, можно было нырнуть в это море и утонуть в сладком яблоневом духе.

Подул ветер, развевая длинные кудри Велги. Она облокотилась о подоконник, прищурилась, подставив лицо солнцу.

Как грустно было любоваться цветением родительского сада в последний раз. На севере, где жил её жених, вряд ли весна бывала так же прекрасна. Матушка

часто вспоминала свои родные края и говорила, что край тот суров и мрачен.

Впрочем, у Велги были весомые причины стремиться подальше от людного, богатого Старгорода на недружелюбный север.

— Господица, — окликнула её Бажена, — матушка тебя ждёт.

— Да, сейчас, — Велга приоткрыла глаза, но даже не оглянулась. — Ещё немного.

Она увидела мелькнувший рыжий хвост между ветвями и услышала звонкий лай. Собака побежала через сад к частоколу. Там по тропинке прогуливался отец вместе с гостем.

Оба заметили Велгу. Отец помахал рукой, гость почтительно поклонился.

— Отец меня зовёт, — Велга обернулась наконец к Бажене.

— Велга, — с укором произнесла нянюшка. — Госпожа Осне уже давно тебя ждёт.

— Да-да, сейчас, — неохотно отозвалась Велга, глянула с тоской на цветущий сад. — Я скоро приду! — выкрикнула она в окно.

Нетерпеливо ёрзая, Велга позволила нянюшке заплести волосы в длинную косу.

— Поторопись, Бажена, — поджала Велга губы, будто не сама тянула время.

С улицы доносился звонкий лай, и невыносимо хотелось убежать из шумного дома в сад и провести последний день с отцом.

— Сапожки, господица, сапожки, — напомнила нянюшка, когда Велга радостно соскочила с места и кинулась к двери.

— Ох, давай скорее! — нетерпеливо притопнула девушка, обулась и выскочила из ложницы.

В усадьбе Буривая было шумно. От нижних клетей до самой горницы звучали голоса. Видано ли: из дома наутро должны были уехать сразу оба наследника, а вечером обещали справить пир.

— Да озарит Создатель твой путь, господица Велга, — дорогу ей преградил Данила. Он был такой здоровый, что заслонял собой весь проход, зато легко в одиночку тащил её, Велги, сундук. — Вот вещи твои несу в повозку, — он улыбался так широко, что можно было пересчитать все зубы. Тёмные глаза прожигали Велгу насквозь. — Это... в общем, даже не верится, — он всё ещё пытался улыбаться, только в тихом голосе сквозила грусть.

Велга попыталась обойти Данилу, только ничего не вышло, и она вжалась в стену, пропуская его вперёд на лестницу.

— Во что тебе не верится?

— Что ты уже уезжаешь, господица. Как-то... даже не верится, что уже пора прощаться.

Она порадовалась, что руки у Данилы были заняты. Он мог и полезть обниматься к господице.

— Ещё не пора, Данько. Завтра поутру придёт пора. Не провожай меня раньше времени.

— Ага.

— И не плачь, — Велга заметила, что глаза у юноши были на мокром месте. — Что ты, в самом деле? Я же не умираю, а замуж выхожу.

— Ты, господица, — произнёс он с придыханием, явно едва сдерживая нахлынувшие чувства, — будешь теперь далеко, а это, считай, то же самое.

Он обернулся, пытаясь разглядеть Велгу, и не заметил Муху, которая поднималась по лестнице.

— Куда, остолоп?! — взвизгнула Муха и пригнулась, чтобы увернуться от сундука. — Вот же медведь неповоротливый.

— А? Ой! Муха, прости, — Данила закрутился на месте, замотал огромным сундуком с кованными углами. Девушки отскочили от него в разные стороны.

— Кто только додумался его в дом пустить? — выгнула бровь Муха. — Ему бы на конюшне за лошадьми ухаживать.

— Пожалей лошадей, Муха, — хихикнула Велга. — Он переломает им хребты.

— Чего вы? — надулся Данила. — Я же осторожно.

— Пожалуйста, Данько, — протянула сладким голосом Велга, — отнеси этот сундук в повозку и не сломай. Там мои любимые наряды.

Пунцовый от смущения холоп начал спускаться. Девушки, взявшись за руки, прошли к покоям хозяйки. Велга рядом с Мухой чувствовала себя почти неловко. Раньше они обе были худощавые, юркие, лёгкие, но последние годы их изменили, и Муха вдруг вытянулась, стала высокой, статной, а Велга так и осталась крошечной.

— Спорим, Данько завтра разрыдается, когда мы будем уезжать? — хмыкнула Муха.

— А ты нет?

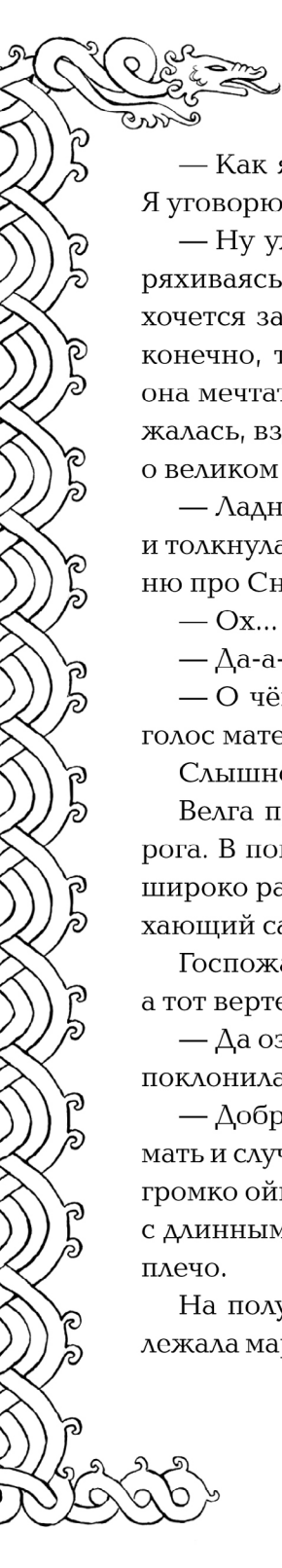
— Не дождёшься, — она улыбнулась, храбрясь, но не смогла скрыть тоску: — Если только потом, когда выедем за ворота, чтобы он не увидел.

Они остановились у двери, всё не разнимая рук.

— Я уже скучаю по дому, Велга.

— Как я и сказала, можешь остаться, если хочешь. Я уговорю родителей. Но ты мне нужна будешь там.

— Ну уж нет, — помотала головой Муха, точно отряхиваясь от печальных мыслей. — Мне, может, тоже хочется замуж за какого-нибудь северянина. Вряд ли, конечно, там все хлопцы как Ярополк Снежный... — она мечтательно закатила глаза, и Велга тоже не удержалась, вздохнула, вспоминая песни, что гусяры пели о великом князе.

— Ладно, я пойду, — неохотно пропищала Велга и толкнула дверь в покои родителей. — А то как вспомню про Снежного князя, и...

— Ох...

— Да-а-а...

— О чём вы там вздыхаете? — раздался холодный голос матери из-за приоткрытой двери.

Слышно было, как Муха, хихикая, убежала прочь.

Велга прикрыла за собой дверь, задержалась у порога. В покоях ярко светило солнце, ставни оказались широко распахнуты, из них открывался вид на благоухающий сад.

Госпожа Буривой расчёсывала волосы Кастусю, а тот вертелся и всё пытался вырваться.

— Да озарит Создатель твой путь, матушка, — легко поклонилась Велга.

— Доброе утро, родная, — на мгновение отвлеклась мать и случайно дёрнула запутанную прядь, отчего сын громко ойкнул. — Сиди смирно. — Она положила руку с длинными, унизанными перстнями пальцами ему на плечо.

На полу, так же непоседливо елозя, как и Кастусь, лежала мартышка. В передних лапах у неё был царский

орех, задними она дрыгала в воздухе. Заметив Велгу, мартышка вскочила, радостно загукукала на свой чудной манер и ловко взобралась девушке на плечо.

Велга погладила мартышку по медной шёрстке, а при виде брата скривилась. Он в ответ показал ей язык, отчего девушка вспыхнула и тоже показала язык.

— Велга, не веди себя как ребёнок, — даже не взглянув на неё, привычным ровным тоном сказала мать. — Константин, сиди смирно и дай себя расчесать. Тут колтун. Ты же не хочешь, чтобы собственная невеста подняла тебя на смех? Приедешь в Златоборск, а у тебя волосы в колтунах, как у дворовой псины.

— И все решат, что у него лишай, — добавила Велга.

— Сама ты лишай!

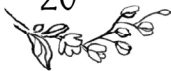
— Это ты лишай! — вспылила девушка.

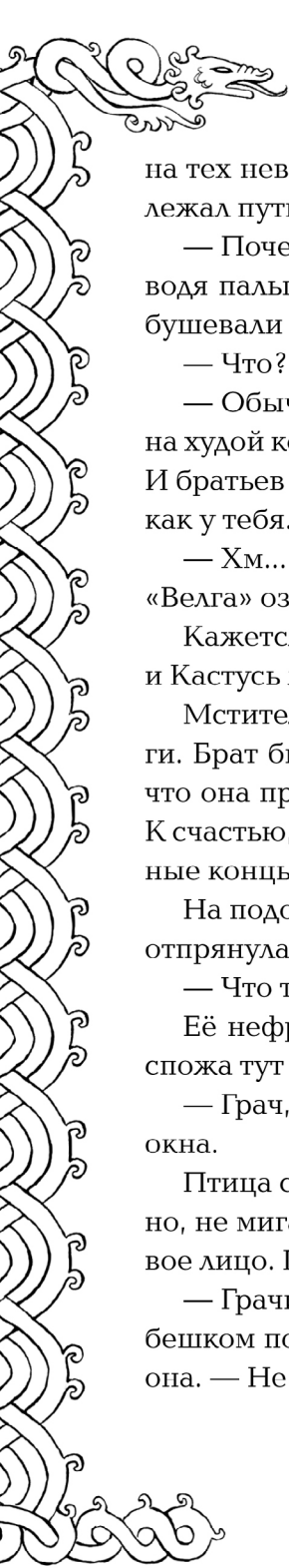
Мартышка на её плече испуганно пискнула и спрыгнула на пол, схватила обронённый орех и утащила в дальний угол.

— Хватит, вы оба, — голос матери прозвучал так же холодно и ровно. — Белка ведёт себя лучше вас, а она всего лишь глупая мартышка. Велга, ты уже не маленькая. Будь сдержаннее. Константин, — добавила она с большей угрозой, — сиди смирно.

Сцепив руки и тяжело вздохнув, Велга прошла к окну, нарочито громко топая.

Ставни были испещрены резными волнами и ветвями. Буря и древо — знаки рода Буривоев. Велга провела пальцем, очерчивая кудрявую, как её рыжие волосы, волну. Завтра Велгу повезут на север, к холодным водам ледяных морей, где, как рассказывали, никогда не таял снег. Из тех земель однажды пришли предки отца,

на тех невзрачных берегах выросла её мать, и туда же лежал путь ей, Велге.

— Почему вы так меня называли? — спросила она, водя пальцем по ветвям дерева, под корнями которого бушевали волны.

— Что? — переспросила мать.

— Обычно девушкам у нас дают троугтосские имена, на худой конец рдзенские, — пожалала плечами Велга. — И братьев зовут по-нашему. А мне досталось северное, как у тебя.

— Хм... чем тебе не угодило имя? Оно как река, «Велга» означает «освежающая»...

Кажется, мать снова случайно дёрнула гребешком, и Кастусь жалобно ойкнул.

Мстительная улыбка расплылась на губах Велги. Брат был младше её на девять лет, и те девять лет, что она прожила без него, были лучшими в её жизни. К счастью, скоро они должны были разъехаться на разные концы света.

На подоконник рядом с Велгой вдруг сел грач, и она отпрянула в сторону.

— Что такое? — оглянулась встревоженная мать.

Её нефритовые глаза широко распахнулись, но госпожа тут же взяла себя в руки.

— Грач, — жалобно произнесла Велга, пятясь от окна.

Птица сидела на подоконнике, смотрела внимательно, не мигая, прямо на Кастуся. Брат сморщил плаксивое лицо. Госпожа Осне пожалала плечами.

— Грачи — хорошие птицы, — вновь проводя гребешком по рыжеватым волосам мальчика, произнесла она. — Не стоит их бояться.

— Я не боюсь, — нахмурилась Велга. — Странно, что и он нас не боится.

— Это к счастью, — уверенно сказала мать. — Грачи всегда хорошая примета.

Наконец она отпустила Кастуся, и тот тут же взъерошил себе волосы двумя руками. Мать вздохнула, но причёсывать его больше не стала.

— Велга, подойди, — позвала она устало.

Вместо Велги первой подскочила Белка. Отбросив ореховую скорлупу на пол, она запрыгнула на столик и с любопытством заглянула в ларец. Мать бережно взяла мартышку и опустила на пол.

Тонкими длинными пальцам Осне перебирала украшения. Велга задержала дыхание. Прежде, будучи совсем ещё маленькой девчонкой, она считала этот ларец почти сказочным. Пока мать не видела, Велга, ускользнув от нянюшек, пробиралась в покои родителей, примеряла на себя гривны, перстни и обручья. Отец любил матушку и дарил ей лучшие украшения. Сколько там было камешков, сколько золота!

— Я хочу отдать это тебе, — мать достала из ларца височные кольца. — Они принадлежали твоей бабке Богуславе. Все женщины из рода Буривоев их носят.

— Даже после замужества?

— Конечно.

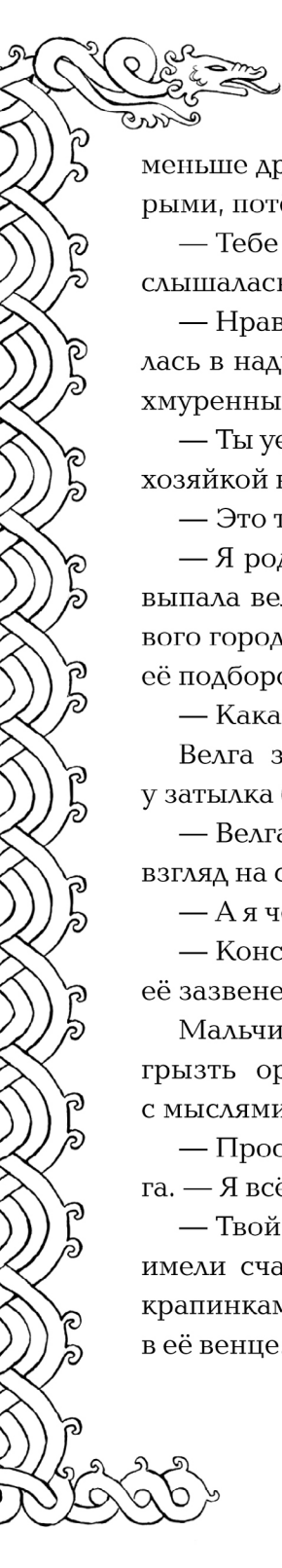
— И тётка Далибора?

Мать недовольно поджала губы, но кивнула:

— Даже она.

Буйные волны и переплетённые корни. Осторожно Велга приняла височные кольца из рук матери. Пожалуй, из всех украшений, что хранились в ларце, эти

меньше других пришлось ей по сердцу. Они были старыми, потёртыми и слишком простыми.

— Тебе что, не нравится? — едва заметная буря слышалась в голосе матери.

— Нравится! — воскликнула Велга, но обида читалась в надутых алых губах, в плаксивом взгляде, в нахмуренных бровях. — Просто...

— Ты уезжаешь из дома навсегда, Велга. Ты станешь хозяйкой в Ниенскансе, в чужой для тебя земле...

— Это твоя родина.

— Я родом из Снежного, а не из Ниенсканса. Тебе выпала великая честь, Велга. Ты будешь хозяйкой нового города. — Мать коснулась указательным пальцем её подбородка и заставила приподнять голову.

— Какая из неё хозяйка? — пробубнил Кастусь.

Велга замахнулась, но мать перехватила её руку у затылка брата.

— Велга, — прищурилась она недобро и перевела взгляд на сына: — Ты тоже помалкивай, Константин.

— А я чего? Это всё она.

— Константин! — строже добавила мать, и в голосе её зазвенел лёд.

Мальчик сполз с лавки и ушёл в уголок к Белке грызть орехи. Осне тяжело вздохнула, собираясь с мыслями.

— Прости, матушка, — пролепетала покорно Велга. — Я всё поняла. Буду носить височные кольца.

— Твой отец делает всё, чтобы вы с Константином имели счастливое будущее. — Светлые, с зелёными крапинками глаза матери светились ярче, чем камень в её венце. — Но ты не должна забывать, откуда родом.

Так положено: женщины носят знаки своей семьи. И все на севере увидят, что ты Буриной.

— Я же возьму имя мужа, — она опустила взгляд на височные кольца в своих руках, провела пальцами по волнам и ветвям.

— Но все будут помнить, что ты — дочь Буриной, первого князя Старгорода.

— А смысл? Сейчас мы никто...

— Не смей так говорить. Никогда. Кто бы ни правил в Старгороде, сути это не меняет. Мы, Буриной...

— Мама, ты же не Буриной. Ты с севера, — перебил её Кастусь, щёлкая скорлупу.

Рядом с ним сидела наглая Белка, ожидая, когда ей перепадёт угощение. Самой чистить орехи ей было лень. Мартышка взволнованно дёргала лапками и с трудом сдерживалась, чтобы не утащить ядрышко. Она была чудесно воспитана. Возможно, куда лучше, чем Кастусь.

Мать наблюдала за обоими, нежно улыбаясь.

— Я родила четверых Буриных, Константин, — сказала она. — Я имею полное право зваться Буриной.

Велга собиралась убрать кольца в мошну на поясе, но мать её остановила:

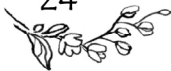
— Надень сейчас. Гордись, что ты Буриной. Твои предки основали Старгород, ты княжеского рода.

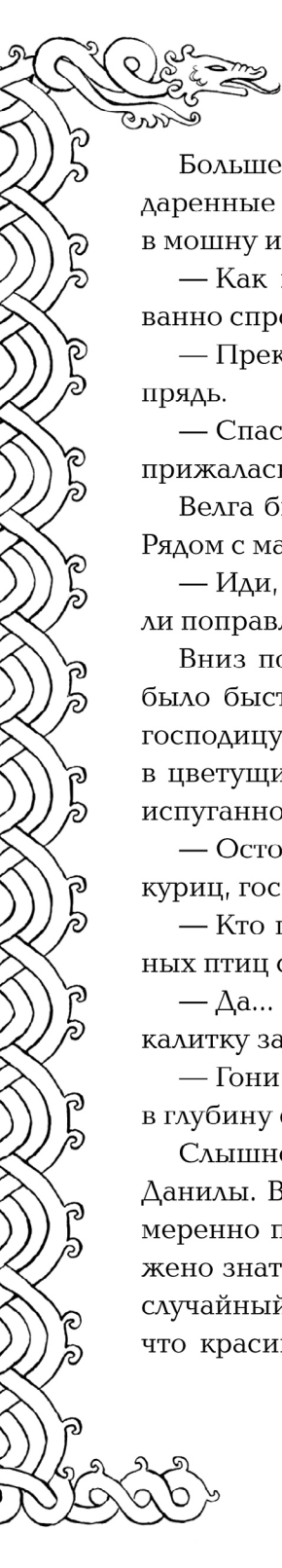
— Правят-то всё равно Белозерские.

— Это не навсегда. — Лёгкая, едва уловимая улыбка, блеск в глазах. О, мать и без княжеского венца выглядела настоящей княгиней.

— Что ты имеешь в виду?

— Надень височные кольца и ступай к отцу. Ему есть что тебе рассказать.

Больше Велга не меддила. Она сняла кольца, подаренные отцом на семнадцатые именины, убрала в мошну и надела новые.

— Как мои волосы, не растрепались? — взволнованно спросила она.

— Прекрасно, — мать поправила ей выбившуюся прядь.

— Спасибо, — Велга вдруг сжала её в объятиях, прижалась к груди.

Велга была в отцовскую родню, совсем невысокая. Рядом с матерью она казалась себе ребёнком.

— Иди, милая. — Мать погладила её по волосам, то ли поправляя непослушные кудри, то ли лаская.

Вниз по ступеням, через клеть прямо в сад — так было быстрее. Слуги расступались, пропуская юную господину. Велга, громко хлопнув дверьми, ворвалась в цветущий сад, и курицы, сбежавшие из курятника, испуганно закудахтали, разбегаясь в стороны.

— Осторожно! — вскрикнул Данила. — Не зашиби куриц, господина.

— Кто пустил их в сад? — Велга обошла беспокоящих птиц стороной. — Им место во дворе, а не в саду.

— Да... я... случайно, — покраснел холоп. — Забыл калитку закрыть.

— Гони их отсюда, — велела Велга и направилась в глубину сада.

Слышно было, как кудахтали куры, разбегаясь от Данилы. Велга захихикала, но не оглянулась. Она намеренно пошла степеннее, с достоинством, как положено знатным девушкам её возраста. Так, чтобы даже случайный прохожий загляделся на неё. Велга знала, что красива, лучше всех девушек в Старгороде. Ме-

дово-рыжая, маленькая, ладненькая, точно кошка. Нянюшка говорила, что грудь и попа у неё словно наливные яблочки. Велга знала, как лучше себя показать, умела так посмотреть, так качнуть бёдрами, чтобы от неё уже не могли отвести взгляда.

— Велга! — слышался низкий голос.

На другом конце сада, в месте, где кончался высокий частокол и начинался редкий забор, Велга нашла отца. У его ног крутилась собака по кличке Рыжая, а на траве развалился Инглайв, скренорец, которого прислали сватом, названный брат её жениха.

Они уже исполнили почти все обряды, что положены при сватовстве: и подарками обменялись, и отец со сватом обо всём договорились, и мёд в честь заключения договора распили. В день сватовства Велга хранила строгое молчание, ни слова не произнесла, глаза к полу опускала и краснела, точно маков цвет, почти непритворно. И теперь она впервые смогла разглядеть Инглайва.

— Господица Велга, — он весело подмигнул, кивнул вместо поклона и с травы встать даже не подумал.

Отец не сдержал улыбки и развёл руками:

— Так хорошо у нас в саду, что лендрман Инглайв не удержался вот, решил отдохнуть.

— Да и вам бы советовал присесть рядом, господин Кажимеж, — щурясь на солнце, предложил гость.

Велга переглянулась с отцом, тот в ответ пожал плечами и смешно пошевелил усами.

— Я бы так и сделала, — сказала Велга, расправляя подол, — если бы не старалась вести себя почтительнее при лендрмане.

Осторожно она опустилась на траву, усыпанную белоснежными лепестками. Над головой качались ветви,

и было слышно, как тихо жужжали пчёлы, перелетая с цветка на цветок.

Довольно виляя хвостом, Рыжая тут же легла рядом, положила голову ей на колени, заискивающе заглянула в глаза, мол, чеши. Велга брезгливо погладила собаку по макушке.

— Ты же наполовину скренорка, а не лойтурка, господица, — сказал Инглайв. — Мы, скренорцы, любим жизнь. Если ты станешь счастливее, посидев на траве в цветущем саду, надо сесть на траву, а не думать о приличиях.

Глаза у него были удивительно голубые, чистые, яркие. В такие глаза можно было бы влюбиться, особенно когда они искрились весельем. Велга задумалась, были ли такие же прекрасные глаза у её жениха.

— И все скренорцы так рассуждают о приличиях? — она склонила голову набок, и из косы её выбилась прядь, упала на плечо.

Она не стала поправлять волосы.

— Те, кто реже бывает в Лойтурии и Империи.

Глазами Велга скользила по наряду Инглайва. Она подметила и скренорский скрасамакс, и императорское кайло на пуговицах.

— А ты бывал в Империи?

Он проследил за её взглядом:

— Это? А, не, по наследству достались.

— У тебя в предках император? — Велга широко распахнула глаза.

— Ох, дочка...

А Инглайв расхохотался. Улыбка у него оказалась белая, красивая. Жалко всё же, что он не был её женихом.

— Я на четверть троутосец, но, конечно, не из императорской семьи. Не могу сказать, что родство с троутосцами хоть как-то помогает в жизни. Разве что кожа у меня смуглее и не обгорает так быстро на солнце.

— Ох да, — искренне вздохнула Велга. — У меня веснушки по всему лицу, и нос вечно облезает...

— Дочка... — Отец по-прежнему топтался рядом и садиться, кажется, не собирался. Велга догадалась: он боялся, что встать у него уже не получится.

Она помнила отца другим. Ещё лет десять назад Кажимеж Буриной был видным мужчиной: живым и подвижным, с тёмными густыми волосами и крепким телом. После рождения Кастуся он резко располнел, точно сам его вынашивал. Волосы отца поредели, а в начале весны, когда пришли вести о гибели старших сыновей, и вовсе поседели. Тогда мать не проронила ни слезинки. Велга не была уверена, что она вообще умеет плакать, а батюшка, не скрываясь, несколько дней рыдал без остановки.

А потом всего за месяц он нашёл жениха для Велги и невесту для Константина.

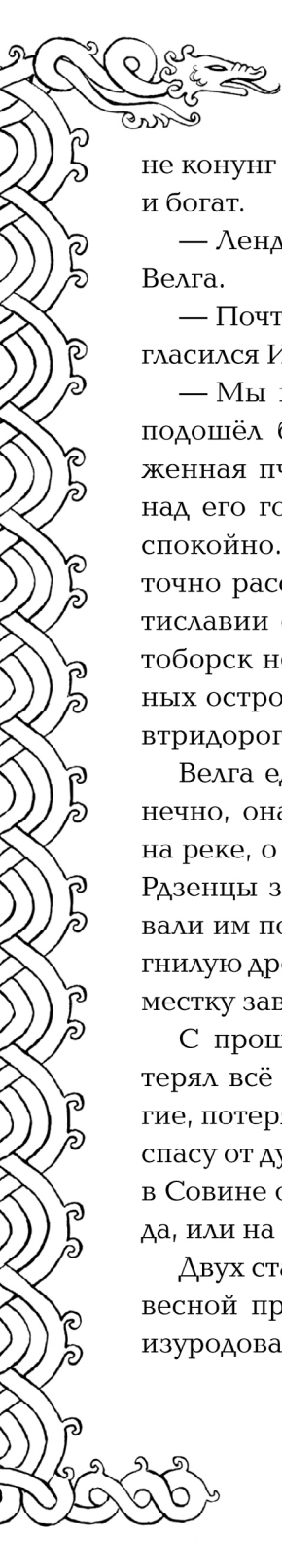
— Хорошо, что ты пришла сама, дочка, — сказал отец. — Мы с лендрманом Инглайвом хотели обсудить кое-что с тобой, о чём в доме лучше не говорить.

Невольно Велга выпрямила спину. Пальцами она сильнее закопалась в шерсть Рыжей. Собака довольно хрюкала, подставляя пузо и бока.

— О чём?

— Дело в том, господица Велга, что мой друг, твой жених Оддбьёрн Раннвайг знатного рода. — Инглайв, напротив, выглядел совершенно спокойным. — Но он

не конунг и даже не ярл. Он, как и я, лендрман, знатен и богат.

— Лендрман — это же как боярин? — спросила Велга.

— Почти, да, наверное, это близко к боярину, — согласился Инглайв.

— Мы хотели поговорить с тобой, дочка, — отец подошёл ближе, наклонился, задев ветку. Потревоженная пчела, недовольно жужжа, пролетела прямо над его головой. — Ты поедешь на север, а там неспокойно. Если слышала, — голос отца был мягкий, он точно рассказывал сказку, — сейчас у Рдзении и Ратиславии есть разногласия по поводу торговли. Златоборск не пропускает к нам корабли с Благословенных островов, они перехватывают товары и продают втридорога.

Велга едва сдержалась, чтобы не нахмуриться. Конечно, она знала о торговой войне, о столкновениях на реке, о сожжённых ладьях, о загубленных товарах. Рдзенцы заливали камни в воск, а ратиславцы продавали им поеденный молью шёлк. Рдзенцы везли на юг гнилую древесину и несвежую икру, а ратиславцы в отместку завывшали северянам цену на стекло.

С прошлого лета Старгород седмица за седмицей терял всё больше денег и людей. Многие гибли, другие, потеряв доход, уезжали на запад, хотя там не было спасу от духов Нави. Но люди так или иначе гибли: или в Совине от когтей нечисти, или в Старгороде от голода, или на реке, борясь с проклятыми ратиславцами.

Двух старших сыновей Буривоя, её родных братьев, весной привезли синими, распухшими, безжалостно изуродованными смертью, после того как они вступи-

ли в очередную стычку на реке. Конечно, Велга знала о торговой войне. Все в Старгороде о ней знали. Только о том и говорили. Но девице её положения, безусловно, не стоило об этом рассуждать. Ей нужно было вышивать, молиться Создателю и сплетничать о хлопцах с подружками.

— Мои братья погибли на реке от рук ратиславцев, — как можно спокойнее произнесла Велга. — Я немного слышала о торговой войне.

— Так вот, этому безобразию пора положить конец, — решительно произнёс Кажимеж. — И это в твоих силах, дочка.

Вдруг Рыжая наострила уши, подняла голову.

И только тогда остальные услышали, как за забором закрипели колёса. Кто-то ехал по дороге в телеге. Собака вскочила с места и кинулась к забору, нырнула в заросли, тут же скрылась из виду, и с другой стороны послышался задорный лай.

— Кхм, куда это она делась? — недовольно спросил отец.

Инглайв и Велга заговорщически переглянулись, точно знали ответ. Князь Буривой, семена на коротких ногах, поспешил к забору, раздвинул крапиву и осоку.

— Вы смотрите, вот разбойница! — воскликнул он возмущённо. — Подкоп прорыла. Да такую яму! Тут и ты, Велга, пролезешь.

— Неудивительно, — дёрнула плечом девушка. — Давно пора снести забор и поставить новый частокол.

— Да как-то всё... не до того, — отец смущённо покосился на гостя. — У нас тут раньше везде частокол был. Его во время половодья смыло. Старое тут всё, ещё мой дед строил. Надо бы и вправду заменить. А то

сколотили забор «на время», а он уже две зимы просто-
ял, хех...

Он постоял ещё немного, выглядывая через щели на
улицу.

— Вообще, она оценилась недавно, — произнёс за-
думчиво отец. — Где только прячет выводок, непонятно.

— Не успели утопить?

— Что? — почти испуганно переспросил отец. — От
такой умной собаки топить щенков — грех. Я бы и себе
оставил, и друзьям раздарил. Вот Репа, мой друг, очень
просил щеночка от нашей Рыжей.

Переваливаясь с боку на бок, он пошагал назад.

Велга пообещала себе, что никогда не располнеет,
как отец. Они были слишком похожи: небольшой рост
и круглое лицо. Рядом с матерью он и вовсе смотрелся
нелепо. Неудивительно, что до свадьбы они не виде-
лись. Согласилась бы мать выйти за коротышку-отца,
если бы не влиятельность его рода, княжеское проис-
хождение да богатство? Осне была высокой, статной,
но её род давно потерял земли на севере и перебрал-
ся в Снежный. Они нуждались и в деньгах, и в связях,
а того и другого у Буриноев было вдоволь.

— Думаю, скоро время обеда, — похлопав себя по
бокам, точно гусь крыльями, произнёс отец. — Пой-
дёмте домой.

Инглайв тут же легко поднялся на ноги, протянул
руку Велге, помогая встать. Она неловко задела затыл-
ком ветку, и на плечи и волосы ей посыпались лепестки.

— Ох! — Велга попыталась отряхнуться, но Инглайв
вдруг сказал:

— Так ещё красивее. Точно снег посреди лета.

И она передумала:

— Догадываюсь, что у вас на севере такое часто случается, да?

Заметив её лукавую улыбку, Инглайв весело расхохотался.

— Умоляю, не верь сказкам, будто мы купаемся в ледяной воде даже в середине лета. Она... прохладная, но не ледяная, — он блеснул кривой улыбкой и добавил: — В ледяной воде мы купаемся зимой.

— О, у нас тоже есть любители, — воодушевленно поддержал отец. — Я, правда, ни разу не пробовал. Даже смотреть как-то холодно, — он поёжился, хотя в тот день пригревало солнце.

Неспешно, наслаждаясь благоуханием сада и ласковым ветерком, они втроём шли к усадьбе по сочной зелёной траве, усыпанной белыми лепестками.

Скоро их догнала Рыжая.

— Вернулась, разбойница, — усмехнулся отец, потрепав её за ухом. — Собственно, об этом мы и хотели поговорить с тобой, Велга.

— О чём?

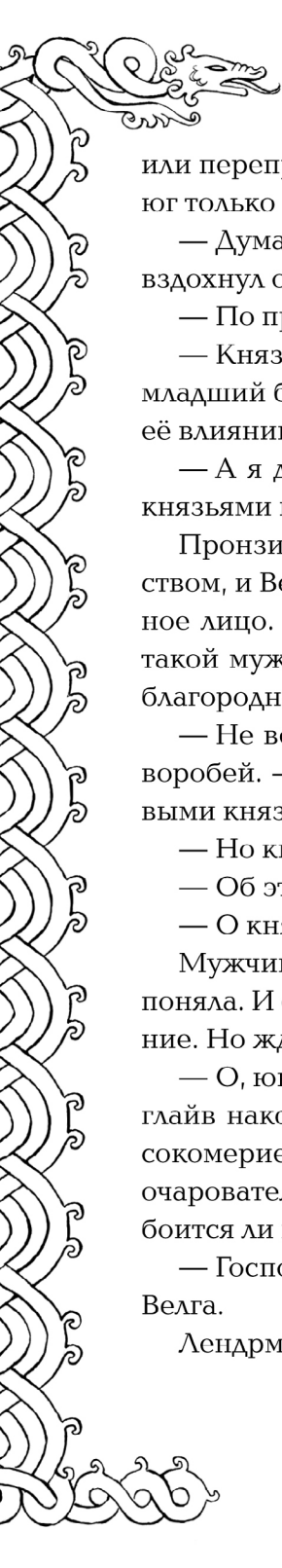
— О разбойниках, точнее, о разбое. О том, что творится на реке.

— Север зависит от торговли со Старгородом, — вставил Инглайв. — И нам очень не нравится, что ваша королева сцепилась с ратиславским князем.

Велга крутила головой, переводя взгляд то на одного, то на другого, и едва сдерживалась, чтобы не выдать своё волнение. Кажется, об этом и упомянула мать. Княгиней... Велга станет княгиней...

— Война между Рдзенией и Ратиславией мешает не только нам, — продолжил Инглайв. — Империя и Вольные города тоже недовольны. Товары тормозят на реке

или перепродают втридорога. Наши люди проходят на юг только за большую мзду.

— Думаю, скоро вообще перестанут пропускать, — вздохнул отец. — Князь Матеуш что-то готовит.

— По приказу королевы или сам?

— Князь всё делает по приказу королевы. Он её младший брат и правит в Старгороде только благодаря её влиянию.

— А я думал потому, что Белозерские всегда были князьями в Старгороде.

Пронзительные глаза Инглайва сверкнули ехидством, и Велга невольно загляделась на его мужественное лицо. Ни её отец, ни братья вовсе не отличались такой мужской красотой, пусть и были по крови куда благороднее лендрмана с далёких островов.

— Не всегда, — нахмурился отец, надуваясь, точно воробей. — Буривои основали Старгород и были первыми князьями.

— Но князьями вы больше не зовётесь.

— Об этом и речь, дорогой гость.

— О княжении? — робко спросила Велга.

Мужчины могли спорить бесконечно, это она давно поняла. И ей, как женщине, стоило бы проявить терпение. Но ждать более казалось невыносимым.

— О, юная господица желает стать княжной? — Инглайв наконец снова обратил на неё внимание, и высокомерие на его лице сменилось ехидством, но таким очаровательным, что Велга даже не обиделась. — Не боится ли господица бремени власти?

— Господица ничего не боится, — вздёрнула нос Велга.

Лендрман раскатисто захохотал:

— Ох, господица Велга, не подумай, что я смеюсь над тобой. Мне весело потому, что в Рдзении такая смелость у женщин — редкость. Верно, в тебе говорит северная кровь.

— Почему это? — снова надулся отец. — У нас весьма...

— Отец! — не выдержала Велга. — Так о чём речь? Как я могу стать княжной?

Кажимеж и Инглайв переглянулись, наконец посерьёзтели и вернулись к разговору.

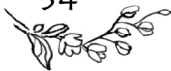
— Твой будущий муж, Оддбьёрн Раннвайг, — наместник в Ниенскансе, — отец говорил с ней как с маленькой, точно сама Велга не знала, кем был её жених. — Но его не совсем устраивает положение. У Оддбьёрна не самое благородное происхождение, зато есть влияние, деньги и верные люди.

— Как и у твоего многоуважаемого отца, — добавил с ухмылкой Инглайв. — И это помимо твоего имени. Всё же Буривои — князи по крови, пусть и зваться им так запрещено. Но все и в Старгороде, и на севере помнят, кто такие Буривои. Мой названный брат хочет объединить силы с вами.

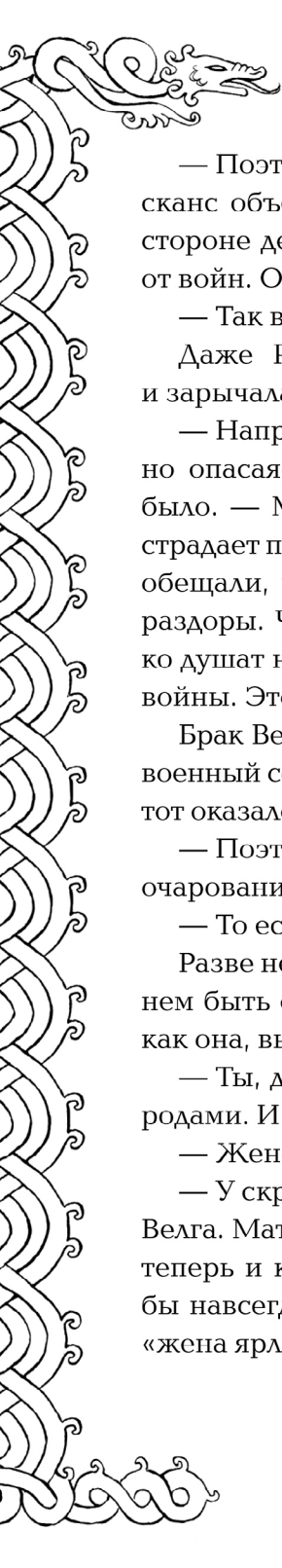
— Чтобы...

— Закончить эту глупую войну, — помрачнел отец, и Велга догадалась, что он вспомнил своих старших сыновей. Он единственный из семьи видел сыновей, когда их привезли домой. От Мухи Велге удалось узнать, что тела братьев были страшно, до неузнаваемости изуродованы. Матери и детям позволили увидеть их только в закрытых гробах.

— Старгороду мешают чужие распри. Нам они не пужны.

— Поэтому будет лучше, если Старгород и Ниенсканс объединятся, — кивнул Инглайв. — На нашей стороне деньги и сила. Рдзения и Ратиславия ослабли от войн. Они не будут готовы к отпору.

— Так вы хотите воевать с Рдзенией и Ратиславией? Даже Рыжая почувствовала беспокойство Велги и зарычала, глядя куда-то в глубину сада.

— Напротив, — прошептал отец и наклонился, точно опасаясь, что их услышат, хотя рядом никого не было. — Мы хотим остановить эту войну. Старгород страдает под пятой Ратиславии и Рдзении. Белозерские обещали, что наши земли не затронут ни войны, ни раздоры. Что мы будем в безопасности. Но они только душат нас налогами и тянут наших мужчин на свои войны. Этому пора положить конец.

Брак Велги и наместника Ниенсканса мог закрепить военный союз. Она попыталась поймать взгляд отца, но тот оказался слишком глубоко погружён в свои мысли.

— Поэтому, господица Велга, вся надежда на твоё очарование.

— То есть? — в груди её родилось возмущение.

Разве не должен северянин с непроизносимым именем быть счастлив просто потому, что такая девушка, как она, выйдет за него замуж?

— Ты, дочка, станешь мостиком между нашими народами. И новой... не княгиней, но как это у вас...

— Женой ярла, — подсказал Инглайв.

— У скренорцев нет слова для княгини, — пояснила Велга. Мать учила её родному языку и обычаям. Пусть теперь и казалось, что знала она слишком мало, чтобы навсегда уехать на север. — Да, у них есть только «жена ярла».

— Ну... — вздох отца вышел слишком разочарованным. — Тоже неплохо.

Но всё же княгиней ей не стать. Лишь чьей-то женой. И потому, пусть она и была всего лишь женщиной, полное, точно налитое яблоко, ощущение счастья треснуло.

А мужчины, довольные договором, пошли к дворцу.

Велга почувствовала, как что-то упало к её ногам, и остановилась.

— Что случилось? — спросил Инглайв.

— О, моё височное кольцо. — Она увидела подарок матери в траве, присела, чтобы поднять, как вдруг краем глаза заметила за деревьями мелькнувшую тень. Верно, кто-то из слуг отлынивал от работы, прохладаясь в саду.

И без всякой причины острый, точно клинок, холод пронзил насквозь и кожа покрылась мурашками.

— Велга, ты идёшь? — нетерпеливо позвал отец.

— Да-да, — растерянно отозвалась она.

Рыжая прижалась к ногам Велги, всматриваясь в глубь сада. Шерсть у неё встала дыбом на загривке.

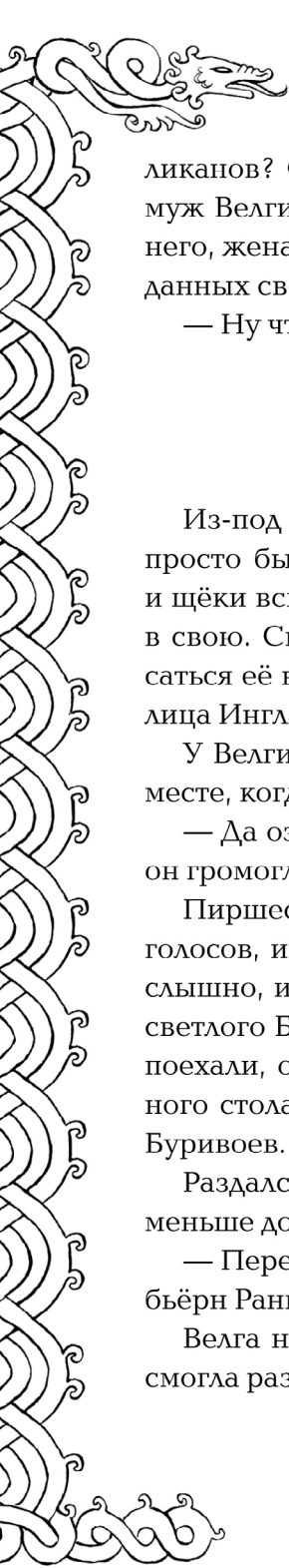
Колыхались белые тяжёлые от цветов ветви яблонь, ласкал кожу тёплый ветерок, но Велге казалось, будто она смотрела напрямик в глубокую сырую могилу, и оттуда в ответ ей...

— Велга!

Она поспешно спрятала височное кольцо в мошну и побежала к дому. И впервые родной, знакомый сад показался чужим. Впервые захотелось поскорее уйти из него. Рыжая бросилась за Велгой. Они нагнали остальных уже у самого дворца.

Рядом с северянином и отец, и сама Велга казались крошечными. Каково будет ей на севере среди этих ве-

ликанов? Они, верно, затопчут её. Впрочем, будущий муж Велги правил городом, и, сидя на престоле подле него, жена будущего ярла Велга будет смотреть на поданных сверху вниз.

— Ну что, дочка, пора справлять свадьбу?

***

Из-под тончайшего, расшитого цветами плата не просто было разглядеть гостей. Руки Велги вспотели и щёки вспыхнули жаром, когда Инглайв взял её руку в свою. Скренорцу должно было быть неприятно касаться её влажной от волнения ладони. Она не видела лица Инглайва. Он крепко переплёл их пальцы.

У Велги перехватило дыхание, она едва устояла на месте, когда подошёл отец.

— Да озарит Создатель ваш путь! — приветствовал он громогласно.

Пиршественный зал задрожал от рёва дружных голосов, и Велга повторила слова вместе с ними, едва слышно, и голос её потонул в шуме. Не было ни Пресветлого Брата, ни других молитв, даже в храм они не поехали, обряд проводили, не отходя от пиршественного стола, среди родных и друзей, в стенах усадьбы Буриноев. По заветам предков.

Раздался отцовский кашель. Он явно волновался не меньше дочери:

— Перед Создателем и перед людьми стоят Одабьёрн Раннвайг...

Велга невольно повернула голову к Иглайву, но не смогла разглядеть. Его лицо прикрыли чёрным платом.

Настоящий жених Велги находился далеко на севере, в проклятом некогда городе Ниенскансе, и не мог бросить дела, чтобы приехать и справить обряд в Старгороде. Но обычаи требовали, чтобы Велга вышла замуж, прежде чем навсегда покинет родителей, и потому её венчали не с женихом, а с тем, кто им назывался не в храме, а в пиршественном зале, не Пресветлый Брат, а собственный отец. Так требовали обычаи.

Потому и невесте, и жениху закрыли лица: чтобы ни человек, ни дух, ни святой не заподозрил подмены.

В левой руке Велга держала свечу и сквозь плат едва различала огонёк. Правой рукой она переплела пальцы с пальцами Инглайва, и их запястья обвязали, а хирдман из дружины северян пролил горилку в миску под их руками. Капли брызнули на запястье Велги, и она вздрогнула, точно от кипятка.

— Эх, жаль не мне, — нарочито громко вздохнул Инглайв из-под плата.

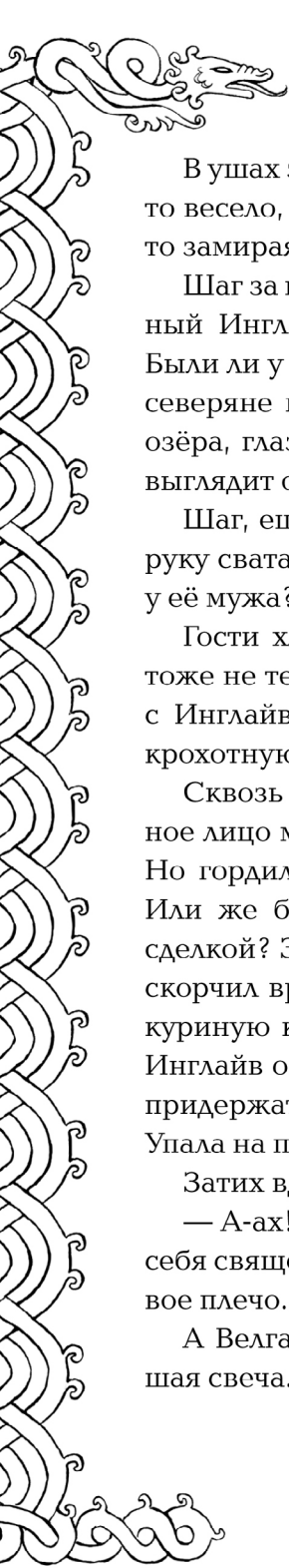
— Тебе ещё налью, дорогой гость, — прокряхтел отец.

— Так что мне горилка? Не упиться. Я про невесту. Такая красавица у тебя, князь.

Заиграл дударь на своей дуде, и весёлая песенка зазвучала на весь зал, её подхватили волынка и свирель.

Велга вспыхнула ещё стыдливее, а Инглайв повёл её вдоль стены, кругом вокруг стола. Он шёл впереди, держа свечу в левой руке, а правой был по-прежнему обвязан с Велгой. Обоим нельзя было открывать лица, и они то и дело спотыкались о лавки, отчего каждый раз гости громко хохотали и притоптывали, желая пуститься в пляс. И Велге тоже захотелось танцевать.

В ушах звенели височные кольца. То звонко, то тихо, то весело, то жалобно. И сердце Велги так же стучало, то замирая от счастья, то разрываясь от тоски.

Шаг за шагом. Рука в руке. И впереди высокий, статный Инглайв. Каким был настоящий жених Велги? Были ли у него такие же яркие голубые глаза? Многие северяне могли похвастаться яркими, точно ледяные озёра, глазами. Но что до Оддбьёрна Раннвайга? Как выглядит он?

Шаг, ещё один. Велга крепче вцепилась в большую руку свата. Была ли такая же большая, сильная ладонь у её мужа? Была ли она так же горяча?

Гости хлопали, притоптывали в такт дуде, и Велге тоже не терпелось станцевать с подружками, а может, с Инглайвом. Ей так понравилось чувствовать свою крохотную тонкую ручку в его большой руке.

Сквозь паутинку вышивки платка показалось бледное лицо матери. Она улыбалась довольно, горделиво. Но гордилась ли она взрослой красавицей-дочерью? Или же богатым влиятельным женихом да удачной сделкой? За подол госпожи Осне хватался Кастусь. Он скорчил вредное лицо при виде сестры и кинул в неё куриную косточку. Велга увернулась и чуть не упала, Инглайв обернулся, едва успел обхватить её за талию, придержать. Но свеча выскользнула из его левой руки. Упала на пол и потухла.

Затих вдруг дударь.

— А-ах! — запричитали женщины, кто-то осенил себя священным знамением, кто-то поплевал через левое плечо. Мужики застучали по дереву.

А Велга застыла, глядя туда, куда укатилась потухшая свеча.

— Помоги мне, красавица, — попросил низким голосом Инглайв, и они вдвоём осторожно опустили на колени.

Он нащупал на дощатом полу свечу, снова зажгёт её о свечу Велги.

— Слава Создателю! — громко воскликнула мать, захлопала в ладоши, и неуверенно снова заиграл дурдарь.

Но не скоро веселье вернулось в его песню.

Казалось, обошлось, не случилось ничего страшного, но, когда они завершили круг, а Инглайв сбросил с себя тёмный плат и осторожно приподнял лёгкий платок Велги, она была бледна как полотно. Её испуг не скрылся от глаз скренорца. Он наклонился к самому её лицу, заглянул в глаза.

— Не грусти, красавица, — попросил он.

Ещё несколько шагов назад сердце её затрепетало бы от этого взгляда, но теперь не вызвало никаких чувств.

Потухшая свеча — дурной знак. Создатель дал понять: в браке этом ей не быть счастливой. Она зачахнет, потухнет, как свеча в руках Инглайва.

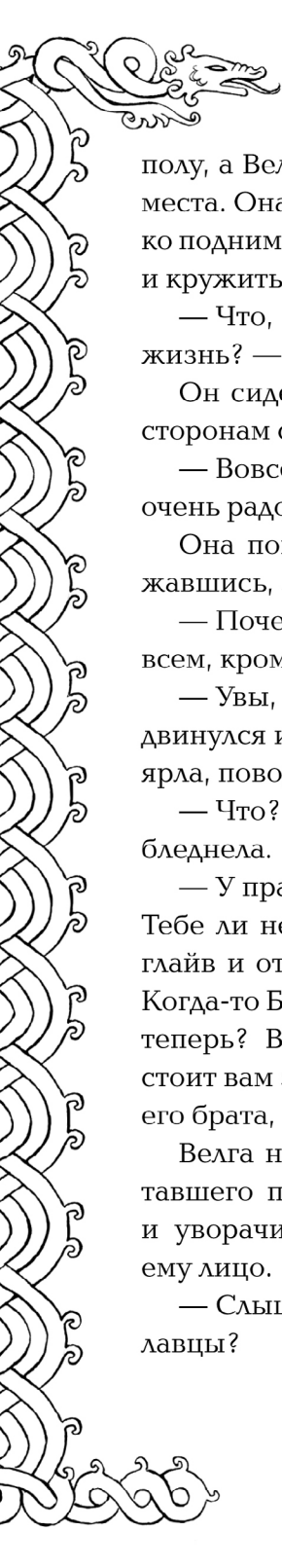
Молча Велга протянула свечу матери, и та поставила её на стол рядом со свечой жениха.

— Всё хорошо, родная, — госпожа Осне приобняла дочь за плечи и проводила к креслу во главе стола, рядом с женихом. — Не грусти, повеселись сегодня. Завтра тебе предстоит долгий путь.

И Велга изо всех сил старалась веселиться.

Скоро никто уже не желал сидеть за столом. Гости танцевали на липком от пролитого вина и медовухи

полу, а Велга с завистью наблюдала за ними со своего места. Она теперь — жена, и ей не положено так высоко поднимать ноги в танце, непристойно подпрыгивать и кружиться, задирая подол, и радостно визжать.

— Что, княжна, не по нраву тебе замужня жизнь? — усмехнулся Инглайв.

Он сидел рядом, почти не ел и не пил, смотрел по сторонам со скучающим видом.

— Вовсе нет, лендрман Инглайв, мне, напротив, очень радостно и ве...

Она поймала его насмешливый взгляд и, не сдержавшись, закатила глаза:

— Почему свадьба — моя, а веселиться положено всем, кроме меня?

— Увы, такова доля всех, кто у власти, — он придвинулся и добавил шёпотом: — Когда станешь женой ярла, поводов радоваться станет ещё меньше.

— Что? — пусть в зале было жарко, Велга вдруг побледнела.

— У правителей всегда слишком много соперников. Тебе ли не знать, не княжна? — пожал плечами Инглайв и откусил белыми зубами от кабаньей ноги. — Когда-то Буривои были князьями. А что с вашим родом теперь? Вы даже назваться князьями боитесь, ведь стоит вам заикнуться о былой власти, и всех, даже твоего брата, казнят.

Велга невольно взглянула на Кастуся, жадно уплетавшего пирог. Он перепачкался, словно поросёнок, и уворачивался от нянюшки, пытавшейся вытереть ему лицо.

— Слышала же, что сделали с нашей Гутрун ратиславцы?

От одного упоминания ратиславской княгини стало не по себе. К чему её упоминать? Она уже не одну зиму лежала в земле.

— Великая была женщина. Наша, северянка. Да, вышла замуж за ратиславского князя. Спасла государство от войны, удержала власть, когда княжества взбунтовались. И что с ней стало?

Велга прекрасно знала, что случилось с княгиней Гутрун, но говорить об этом не желала. Это были дела ратиславцев. А Старгород ещё до рождения Велги отделился от Ратиславии и поклялся в верности Рдзении.

— Этот шелудивый пёс, незаконнорождённый ублюдок Вячеслав убил её и всех её детей ради княжения. Он не имеет права на престол.

Пальцы Велги вцепились в подлокотники кресла. К чему этот разговор? Но Инглайв распаялся всё больше:

— А у нас на севере народ жёсткий и решает всё тоже жёстко, но справедливо. Но я желаю тебе удачи, прекрасная Велга. Раз мы друзья... мы же друзья, Велга?

Она ошарашенно закивала, точно заворожённая.

— Тогда я позабочусь о тебе, мой дружок, — пообещал Инглайв и наклонился ещё ближе. От него пахло вином, мясом и потом. И это больше не было ни возбуждающе, ни приятно. — Мне бы не хотелось, чтобы такая красавица погибла.

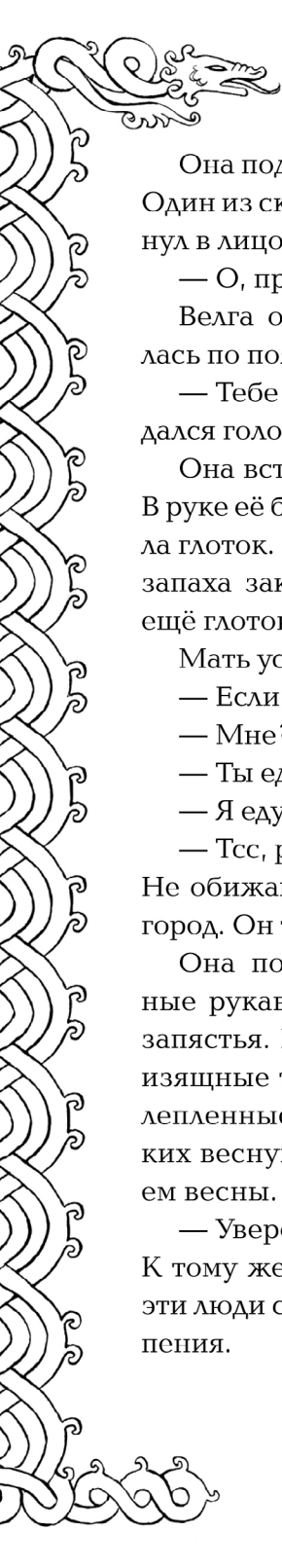
И снова бросило в жар от его пронзительного взгляда. Но жар этот не был будоражащим.

— Я не погибну, — нерешительно проговорила Велга. Голубые глаза сверлили её насквозь.

— Мне... душно...

Она подскочила с места, протиснулась сквозь толпу. Один из скренорцев попытался приобнять её, но заглянул в лицо, узнал и испуганно вскинул руки вверх:

— О, прости, господица... госпожа!

Велга остановилась у распахнутого окна, высунулась по пояс, охлаждая горящие щёки.

— Тебе стоит выпить немного вина, родная, — раздался голос матери.

Она встала рядом, упёрлась локтями о подоконник. В руке её был большой кубок. Велга приняла его, сделала глоток. От сладости вина вязало во рту. От терпкого запаха закружилась голова, и она поспешно сделала ещё глоток и ещё.

Мать усмехнулась:

— Если бы ты знала, как я завидую тебе.

— Мне?

— Ты едешь на север...

— Я еду в Проклятый...

— Тсс, родная, — Осне приложила палец к губам. — Не обижай наших гостей. Они не называют так свой город. Он теперь Ниенсканс.

Она покрутила кольцо на тонком пальце. Длинные рукава с вышитыми волнами прикрыли тонкие запястья. Как страстно Велга желала иметь такие же изящные тонкие запястья, белые, точно из снега вылепленные. Но кожу её усыпали тысячи и тысячи мелких веснушек, расцветавших ещё ярче с наступлением весны.

— Уверена, ты полюбишь север. Он у тебя в крови. К тому же, — она обернулась в сторону Инглайва, — эти люди сделают тебя княгиней. Только наберись терпения.

— Не княгиней, — она поджала губы. — Женой ярла.

— И?

— Это не одно и то же.

— Не вижу разницы, — пожалала плечами матушка. — Ты женщина. И редкой женщине посчастливится стать женой ярла.

Она говорила с ней как с ребёнком. Велге захотелось уйти подальше. Как можно дальше. На самый север. Хоть в Проклятый город.

— Говорят, — ещё глоток вина и ещё, — что княгинь чаще убивают. Княгиня Гутрун, она же правила в Златоборске, так?

— Во всей Ратиславии, — поправила мать. — Вернее, правил её сын, но Гутрун долго заменяла его на престоле. Она была северянкой, как я.

— И её убили. Теперь в Златоборске Вячеслав Оканный. Он же убил её, жену собственного брата, а вместе с ней и собственного племянника...

— К чему такие разговоры в день твоей свадьбы, родная?

— Да к тому, что... — кубок в руках дрогнул, и вино перелилось через край куда-то в темноту. — Что я... не хочу...

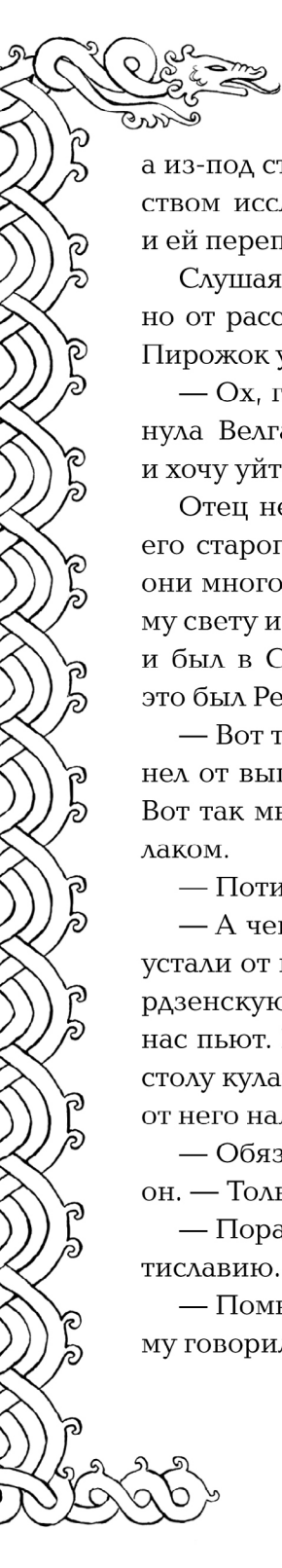
— Ох, родная, не стоило давать тебе вина, — мать обняла её за плечи и отвела от окна. — Сядь и поешь. И помалкивай, ради Создателя. Ты не можешь пока уйти, и рыдать ты тоже не можешь.

— Но...

— Терпи, — строго потребовала мать.

Слева от Велги по-прежнему сидел Инглайв, справа — подвыпивший и оттого не в меру болливый отец,

а из-под стола высовывала морду Рыжая и с любопытством исследовала всё, что ели люди, надеялась, что и ей перепадёт лакомый кусок.

Слушаясь наставления матери, Велга взяла пирожок, но от расстройства и его не смогла в руках удержать. Пирожок улетел под стол и тут же исчез в пасти Рыжей.

— Ох, глупая псина! — в отчаянной злобе воскликнула Велга. — Оте-ец, — проныла она, — я устала и хочу уйти.

Отец не расслышал её просьбы. Он приобнял своего старого товарища Гюргия Большую Репу. Вдвоём они много лет уже отправляли торговые ладьи по всему свету и успешно преумножали свои богатства. Если и был в Старгороде купец успешнее Кажимежа, так это был Репа.

— Вот тут у меня будут родненькие, — Репа покраснел от выпитого и стал больше походить на редис. — Вот так мы прижмём этих рдзенцев, — он потряс кулаком.

— Потише, Гюргий, — хмыкнул отец.

— А чего тише? Чего?! — распалился Репа. — Все устали от их беспредела. Мы-то думали, вернёмся под рдзенскую корону, заживём. А они все годы кровь из нас пьют. И всё им мало-о, — купец слегка стукнул по столу кулаком, и Кажимеж поспешил убрать подальше от него налитый до краёв кубок.

— Обязательно всё будет, — примирительно сказал он. — Только успокойся. Не кипятись.

— Пора домой, — замотал головой Гюргий. — В Ратиславию. Князья нас так не мучили.

— Помнится, ты двадцать пять зим назад по-другому говорил, — усмехнулся отец.

— Был молод и глуп, — помотал головой Репа.

Велга закатила глаза от скуки и откинулась на спинку кресла, пока мать не видела и не могла поругать её за это. Инглайв сидел словно жердь проглотил. Лицо его окаменело. И глаз — ледяных, горящих яростью глаз — он не отводил от отца.

— Князь Вячеслав умеет с людьми договориться, — продолжал Репа и с каждым словом говорил всё громче. — Чародеи и те ему служат. А Венцеслава что? Только режет, режет. Чародеев — на костры. Неудобных — на костры. И повсюду её Тихая стража. Тьфу, — он закрыл лицо ладонями. — Невозможно. Сколько крови пролилось. А ей всё мало. Теперь, говорит, на реке встаньте, не пускайте ратиславцев. А гибнет-то кто? Мы, старгородцы, гибнем. Королевишна-то в замке в Твердове сидит, только псов своих из стражи посылает.

— Тише, — похлопал его по спине отец. — Тише.

— Что тише? Что тише-то?! — повторил Репа.

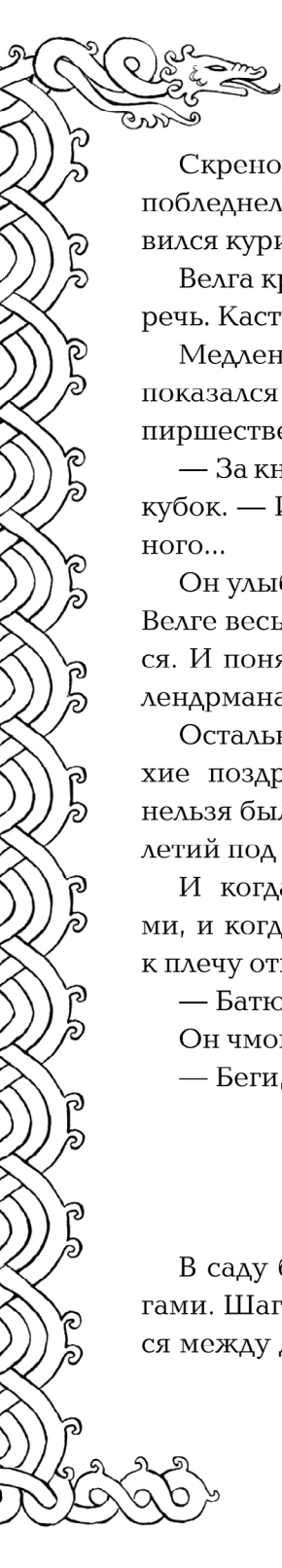
И теперь уже все в пиршественном зале притихли, прислушались. И слышно стало, как Рыжая громко чавкала под столом.

— Наши сыновья в реке тонут, пока королева Венцеслава, — Репа вскинул руки и похлопал ими, точно крыльями, — эта грёбаная Белая Лебёдушка в войну играет. Денег ей больше хочется. Тьфу! Бабы... у власти. Тьфу! — снова сплюнул он. — Вот выдашь Кастуся за дочку князя Вячеслава, вот станет он нашим, старгородским князем... За старгородского князя!

Он схватил кубок, вскочил на ноги и закричал во весь голос:

— За старгородского князя Константина Буриvoja!

Скренорцы молчали. Молчали старгородцы. И Осне побледнела как полотно. А маленький Кастусь подавился куриной ножкой и вдруг закашлялся.

Велга крутила головой, не в силах понять, о чём шла речь. Кастусь? Князь?

Медленно из-за стола поднялся Инглайв. Он вдруг показался таким высоким, точно закрывал собой всю пиршественную залу.

— За князя Константина Буривого, — он поднял свой кубок. — И будущую жену его, дочь Вячеслава Окаяного...

Он улыбался. Ярко, ослепительно, так, как улыбался Велге весь день. Но она обмерла, не смея пошевелиться. И поняла, что никогда никого не боялась так, как лендрмана Инглайва.

Остальные послушно, нерешительно отпуская тихие поздравления, выпили за князя, имя которого нельзя было произносить в Старгороде уже много столетий под страхом смертной казни. За князя Буривого.

И когда все наконец снова занялись угощениями, и когда снова заиграла волынка, Велга прильнула к плечу отца:

— Батюшка, можно я пойду?

Он чмокнул её в висок:

— Беги, пока мать не видит.

* * *

В саду было тихо, только трава шелестела под ногами. Шаг за шагом, ловко, точно кот, он передвигался между деревьями. В темноте белели цветы, а небо

уже горело далеко на востоке. Весной день никак не хотел до конца умирать, и свет брезжил даже глубокой ночью.

Усадьба Буривая, днём гудевшая, как улей, теперь спала. Бестолковая стража вся собралась у главных ворот и слонялась вокруг костра. Лилось вино, щедро подаренное северянами, и никто и не думал обойти дозором сад.

Никто не мог заметить чужака.

Он шёл между яблонями, двигаясь плавно, быстро, неслышно. У дома матушки тоже стояла яблоня. Она была старая, высохшая. Белый однажды предложил её срубить, но матушка отказалась.

И Белый привык искать глазами голые серые ветви той яблони, возвращаясь домой. Он здоровался с ней, как с живой, а череп, насаженный на ветку, кивал в ответ.

В саду Буривоев Белый задержался у деревьев, опустился на колени, касаясь земли, проливая на неё свою кровь. Земля не любила Белого, зато ночь ему благоволила. Матушка рассказала, что он родился в последний месяц зимы, в ночь, когда чародейскую башню Совина поглотили воды озера, а духи Нави вышли на охоту. Может, поэтому они его и любили? Может, поэтому и принимали за своего?

Даже в беспокойных опасных землях на левом берегу Модры, там, где он появился на свет, духи не трогали Белого.

— *Мёр-ртвый*, — называли они его.

Белый знал, что другие люди редко замечали духов Нави, и это тоже делало его другим. Он не был чародем, ни одно заклятие ему не давалось, но всё же обере-

ги действительно защищали, а духи и боги всегда принимали дары.

Вот и на этот раз земля вкусила его крови. Она кривилась, корчилась и ворчала, но пила, потому что кровь его была вкусной. Матушка говорила: живой. Всё вокруг матушки было мёртвым, а он — Белый — живым. Пусть выглядел он как мертвец, пусть чувствовал себя внутри пустым, как мертвец, но кровь его была живой. Почему, он не знал. Может, по той же причине, что он родился в ночь начала Охоты.

Но глаза его были не человечесьи. Блёклые, как у всех лойтурцев, на которых он так походил, эти глаза видели в темноте. Ни один другой Ворон не мог этим похвастаться. Только Белый.

И он слушал яблоневоый сад и спящую усадьбу, разглядывал внимательным, цепким взглядом тёмные окна. Днём он успел понаблюдать за домом Буривоев с улицы и из сада. Он хорошо умел скрываться. Белый гулял среди цветущих яблонь, разглядывал князя Кажимежа и его дочь Белгу, северянина-свата и даже того самого мальчишку Константина, и никто не заметил его. Только девчонка, кажется, уловила движение среди деревьев, но не придавала тому никакого значения.

Белый мог разделаться с ней ещё днём, но не стал. Это привлекло бы лишнее внимание и заставило стражу стать бдительнее. Нет, сначала стоило позаботиться о мальчишке.

Дверь в прируб оказалась незапертой. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Люди в Старгороде оставались на удивление беззаботными, совсем как деревенские. Белый и сам вырос в деревне, но его родные места отличались от сотен других деревень

в Рдзении. Там по ночам люди дрожали от страха, а дети плакали не потому, что их мучили страшные сны. Там водились чудовища, и одним из них был Белый Ворон.

Во дворце Буривоев было тихо, и только откуда-то из клетки доносился громкий храп. Все спали. Пахло вином, пивом и мясом — весь вечер люди Буривоев праздновали помолвку юной госпожицы.

В городе тоже обсуждали отъезд Велги. Красавица, богатая наследница, она была завидной невестой, и, верно, немало местных женихов теперь кусали себе локти, упустив её приданое. Но никто и словом не обмолвился о маленьком Константине. Буривой был хитёр. Он знал, что не получится скрыть большой обоз, с которым невеста уезжала к жениху, потому вместе с ним отправлял и сына. Пусть люди думали, что из города уезжала одна только Велга. К тому времени, когда стало бы известно о помолвке сына Буривого и дочери ратиславского князя, мальчишка бы уже оказался в безопасности в Златоборске, а ратиславские войска под стенами Старгорода.

Но не будет жениха — не будет и помолвки. Не будет союза — и не вернуть никогда Буривоим княжескую власть.

Весь дворец спал крепко, беззаботно. Никто не знал, что внутрь пробралось чудовище. Никто не ждал его. И Белый крался бесшумно, быстро и ловко, не теряя времени.

В сенях Белый задержался, вспоминая, в какой стороне находилась ложница наследника. Дворец Буривого был построен ещё во времена ратиславских князей и делился по их обычаю на мужскую и женскую половины.

В правой — женские покои. В левой — мужские. Белый огляделся, запоминая повороты и двери. С красавицей Белгой он увидится позже.

Неслышно ступая, он повернул налево. Внизу на лестнице скрипнула половица. Он замер, прислушался. Кто это был? Припозднившийся слуга? Бдительный гридень? Белый слушал долго, терпеливо, подготовив свой любимый нож. Кованая чешуя на рукояти знакомо холодила ладонь. Он точно помнил, сколько там чешуек: шестьдесят три. Нож подарила матушка, когда он был ещё совсем ребёнком, задолго до того, как он пролил первую кровь.

Она говорила, что Белый родился из воды холодным, словно рыба. И этот нож оказался ему под стать. Из всех своих детских игрушек Белый любил нож больше всего, а после научился орудовать им ловко и быстро. И всегда был готов пролить с его помощью новую кровь.

Больше ничто не нарушило тишину. Ни звука. И Белый пошёл дальше.

До самого заката он наблюдал за усадьбой, запоминал расположение окон и спален. Третье окно слева — ложница маленького наследника, Константина, последнего не князя Буривого. Мальчишке было всего девять. Ещё слишком мало, чтобы свататься, но других сыновей у Кажимежа Буривого не осталось, и потому он спешил. Но опоздал. Кто-то заплатил слишком хорошо, чтобы Буривои никогда не вернули себе власть в Старгороде.

Белый опустился на колени перед дверью, прикрыл нос и рот платком, завязал его на затылке и достал из кармана в поясной сумке бутылёк. Стоило быть осто-

рожным. Он задержал дыхание, открыв пробку, высыпал порошок тонкой линией под самым порогом и помахал рукой, чтобы запах скорее проник через щель под дверью в комнату.

У князей и бояр было принято, чтобы рабы спали прямо на пороге и сторожили господ. Так никто не мог проникнуть внутрь, не толкнув дверью холопа.

Плотно закрыв бутылёк, Белый спрятал его обратно в карман и отошёл на несколько шагов, подождал.

Старый большой дворец едва слышно поскрипывал, будто дышал во сне. Шумели летучие мыши на чердаке. Сверчок тянул свою унылую песню где-то за стеной. Белому нравилась его работа. Она обычно была тихая, спокойная. Он всегда приходил по ночам. Это Грач любил шум, крики, вопли. Брату слишком нравился страх. Белый, как и все мертвецы, предпочитал покой.

Держа наготове нож, он тихо приоткрыл дверь. На пороге и вправду лежал мужчина. Темноволосый. Здоровый, точно медведь. Такого бы в поле отправить пахать, а не в дом прислуживать мальчишке. Заснул мужчина на боку, неловко скорчившись на постеленном тюфяке и прикрывшись одеялом. Белый не стал зря его трогать, опасаясь разбудить. На такого здоровяка порошок мог слабо подействовать. Он проткнул шею сбоку, под кадыком, чтобы задеть нерв. Сердце раба остановилось быстро. Он даже не проснулся.

Белый вытер лезвие об одежду убитого. Он не любил грязь. Перешагнуть здоровяка было сложно, он занимал собой всё пространство. Неловко соскользнула нога. Белый схватился рукой за стену. Что-то глухо стукнуло.

Но никто, кажется, этого больше не услышал.

Дверь в ложницу мальчика была приоткрыта. Окно распахнуто. А постель пуста. Белый застыл на пороге. Глаза забегали по углам. Где мальчишка?

Куда он мог деться? Спрятался под кроватью? Белый заглянул туда. В сундук? Его тоже проверил. Под лавкой не спрятаться, под столом тоже. Белый больше не скрывался. Он зажёл свечу, осмотрел все покои. Мёртвый раб. Больше никого.

И куда делся мальчишка?

Дети часто боялись спать одни, а это его последняя ночь дома... Что, если...

Белый потушил свечу, вышел из покоев. Вряд ли мальчик бросился бы за утешением к отцу. До пяти лет дети спят в покоях матери. Но Константин старше. Стоило проверить женскую половину.

Быстрее, уже помня повороты, Белый поспешил назад в сени.

* * *

— Доброй ночи, родная, — мать коснулась губами лба Велги.

Девушка задержала её руку в своих, поцеловала каждый пальчик.

— Я буду скучать.

— Я тоже.

Огонёк свечи дрожал, отчего по стенам ложницы плясали тени. Тёплый свет делал черты лица матери мягче, а улыбку приветливее.

— Ма-ам, — протянул от двери Кастусь. — Пошли.

Он отнимал мать у Велги даже теперь. Даже в миг прощания. Обида клокотала внутри, и сдержать её уже было невозможно.

— Ты ещё вернёшься домой, когда станешь князем! — воскликнула Велга. — А я уезжаю навсегда.

Брат насупился, прижимая к себе мартышку. Белка обнимала его лапами за шею. Все, даже глупая мартышка, любили Кастуся больше, чем Велгу, хотя он был плаксивым, бестолковым и избалованным.

— Родная, ты уже взрослая, а он совсем ребёнок. Ему куда страшнее покидать дом, — мать погладила Велгу по голове, а она вцепилась в её ладонь, не желая отпускать, и Осне пришлось отнять руку силой.

— Мне тоже... — Велга сдержала слёзы и обидные слова.

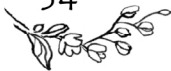
Она была взрослой девушкой. Скоро ей должны были заплести две косы и уложить под плат. Скоро она должна была стать женой, затем матерью, и тогда ей пришлось бы возиться с такими же плаксивыми, глупыми детьми, как Кастусь.

«Ох, надеюсь, мои дети ни капли не будут похожи на этого дурака».

Старшие братья были умными, смелыми, красивыми. Из всех хлопцев в Старгороде они считались самыми видными. Как жаль, что именно их забрали бурные воды Вышни. Почему не Кастусь утонул? Почему не он?

Мать и брат ушли.

Велга помедлила, глядя на закрытую дверь, не выдержала, на цыпочках прокралась к покоям матери и уже потянулась к двери рукой, когда услышала отцовский голос:

— Никак тебе не угодить...

Раздались его тяжёлые шаги. Он ходил из угла в угол, и Велга ясно представила его озабоченное лицо.

— Что ты от меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты не торговал жизнями моих детей, — сердито процедила мать.

Велга с трудом узнала её голос, таким несдержанным и раздражённым он был.

— Я уже потеряла двух сыновей. Ради чего они погибли, Кажимеж? Ради платков да ковров? Да чтоб им всем в реке сгинуть.

— Родная моя...

— Убери от меня руки, — послышался шлепок. — Ты мог найти Велге жениха, который защитит её от всех бед, ты мог уберечь Кастуся, а ты... Я не сказала Велге, чтобы её не тревожить. Но тебе всё скажу. Ты торгуешь жизнями детей, как платками на ярмарке.

— Я как раз делаю всё, родимая, чтобы никто и никогда не посмел причинить им вред. Чтобы не над ними властвовали, а они надо всеми...

— Князя чаще разбойников теряют свои головы, старый ты дурак.

Хлопнула дверь. Верно, мать из горницы ушла в спальню. Слышно стало, как тяжело и горько вздохнул отец и медленно прошёл к двери. Велга со всех ног кинулась обратно в свои покои. Сердце громко стучало в груди, босые ноги почти не касались деревянного пола.

— Сладость моя, ты же застудишься. Зачем босиком бегаешь? — встретила её обеспокоенная нянюшка. — Ложись скорее в постельку, согрейся. А я тебя укурую потеплее.

Она расцеловала Велге ручки, укутала ножки, вытерла платочком слёзки.

— Украшения надо снять, пряничная моя.

— Оставь височные кольца. Они... Буриноев, — жалобно попросила Велга, и на этот раз нянюшка спорить не стала.

— Дорогая моя, — сказала она, — не печалься. Тебя ждёт красавец-жених, он богатый, щедрый.

Она подоткнула Велге одеяло, но та тут же вылезла из-под него, потянула за ворот. Дышать было нечем. В ушах звенели височные кольца, и всё слышался разговор родителей: злой, грубый, слишком честный. Никогда при детях они не общались между собой так. Мать слова дурного не смела произнести, а оказалось, что за закрытыми дверями они грызлись точно кошка с собакой.

— Откуда ты можешь знать про моего жениха? Вдруг он жадный и страшный?

— Твой отец не мог выбрать такого жениха для своей дочери. Господин Кажимеж долго искал подходящего хлопца.

Нянюшка поставила свечу у золотого сола в углу, зашептала слова молитвы.

— Попроси утешения у Создателя, душа моя, — позвала нянюшка.

— Я уже молилась сегодня, — отмахнулась Велга.

Наконец потухла свеча, и ложница погрузилась во тьму.

Велга откинулась на мягкие подушки, вытерла мокрые от слёз щёки. Темнота окружала со всех сторон, она заставляла чувствовать острее, ярче, и только голос нянюшки убаюкивал печаль.

Громко шаркая, нянюшка дошла до своей лавки.

— С того самого дня, как ты родилась, Белгушка, князь Кажимеж искал достойного тебя жениха. Он сразу сказал, что это будет не старгородец. Поэтому и имя тебе дали не нашенское, северное. Так и сказал, прямо при мне, когда я впервые взяла тебя на ручки: быть моей дочери ключом к северу.

— Почему? — солёные от слёз губы едва пошевелились, но слух у нянюшки был острый, она и мышь за стеной могла почуять.

— Потому что ты единственная дочь среди всех сыновей, отцовская радость. В тебе течёт кровь Буривоев. Женщины нашего рода, — нянюшка тоже была Буривой по какой-то очень дальней ветви, — дали жизнь славным князьям, конунгам, королям. Это древняя кровь, сильная кровь. Не верь бахвальству Белозерских, будто они первые князья в Старгороде. Не было ещё никакого Старгорода, когда сюда пришли наши предки. Был город на берегу, и основал его первый Буривой. Это потом уже появились Белозерские и захватили всё. Но их земля не принимает. Они чужаки, даже ступить в Старгород не смеют. Где королева Венцеслава? Где её дети? Все в Твердове. Сюда и не суются.

— Матеуш Белозерский тут...

— Тьфу на проклятого уродца. Ему, видать, сама Аберу-Окиа не страшна. Но другие Белозерские сюда нос не кажут.

— И всё-таки народ их любит. — Рёбра сжимали сердце так тесно, что больно было дышать.

Велга не выдержала, поднялась на постели, ступила босыми ногами на пол.

— Зачем опять встала? — встрепелулась нянюшка.

— Душно.

Распахнув ставни, Велга облокотилась о подоконник. Свежий ночной воздух охладил лицо. Растущий месяц подмигивал сверху и тускло освещал серый в сумерках сад. Нечто светлое мелькнуло среди деревьев. Велга пригляделась, но больше ничего и не заметила. Верно, то белые цветы яблонь опадали.

— Так что, красавица моя, не печалься, слёзы красоту портят, — продолжила тем же баюкающим голосом Бажена. — Твой брат поживёт несколько лет у ратиславского князя, возмужает и женится на княжне. И тогда он вернётся сюда уже править, сядет княжить, а князь Вячеслав ему в этом поможет. И твой муж, если ты будешь мудра и научишь его, как правильно, пришлёт людей на подмогу, а после и его господин Кажимеж посадит править. И будет наш Кастусь княжить в Старгороде, а ты с мужем в Мёртвом городе...

— Не называй его так, — поёжилась Велга то ли от прохладного ветра, то ли от воспоминаний о страшных сказках, что сказывали о городе её мужа. — Он давно уже называется Ниенсканс.

— Мудрёное больно название.

— Это скренорское.

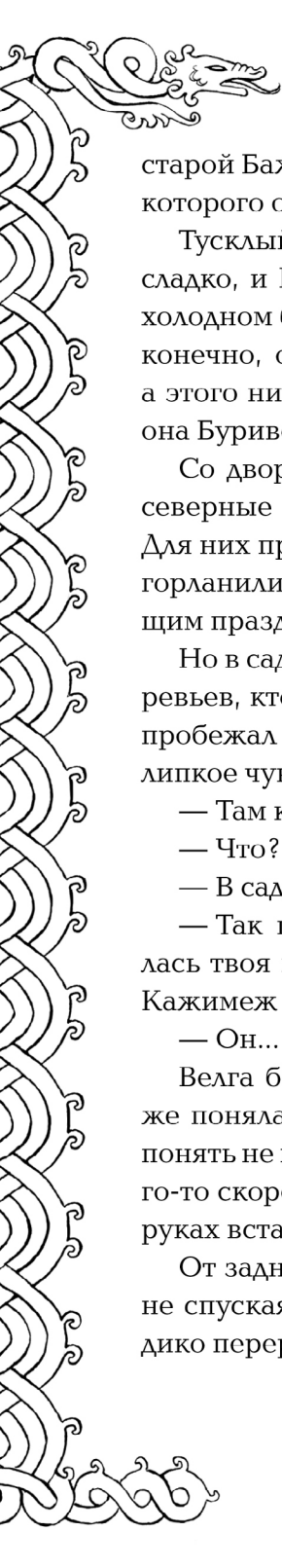
— Ох, как я там буду? — вздохнула неожиданно плаксиво Бажена. — Я-то по-ихнему говорить не обучена.

— Я тебе помогу, — заверила Велга.

Она старалась говорить заботливо, но ей стало обидно, что приходилось успокаивать нянюшку. Это ей, Велге, стоило горевать и плакать. Это она нуждалась в ласковых словах и ободрении. В конце концов, это не

старой Бажене предстояло рожать детей от скренорца, которого она в глаза не видела.

Тусклый свет месяца освещал кроны яблонь. Пахло сладко, и Велга дышала всей грудью, чтобы потом на холодном берегу вспоминать, как пах родной дом. Нет, конечно, она хотела стать княгиней, хотела править, а этого никак не могло случиться в Старгороде. Пусть она Буривой, но всего лишь женщина. И не княжна.

Со двора, там, где разместились в длинной палате северные гости, доносились весёлые мужские голоса. Для них праздник не закончился. Они пьяно, развязно горланили песни, смеялись и наслаждались затихающим праздником.

Но в саду было тихо. И там, среди белых как снег деревьев, кто-то стоял. Велга обмерла. По позвоночнику пробежал холодок. И в груди появилось необъяснимое липкое чувство.

— Там кто-то есть, — прошептала она.

— Что? — глухо переспросила нянюшка.

— В саду кто-то есть.

— Так гуляют. Праздник какой. Ах, как расстаралась твоя матушка, чтобы весь Старгород знал, каков Кажимеж Буривой.

— Он...

Велга беспомощно оглянулась на нянюшку, но тут же поняла, что бесполезно ей объяснять. Она и сама понять не могла, отчего невыносимое предчувствие чего-то скорого, неминуемого заставило у неё волосы на руках встать дыбом.

От заднего крыльца раздался хриплый рык. Рыжая, не спускаясь со ступеней, вдруг залаяла, и лай резко, дико перерос в вой.

Велга отшатнулась от окна.

— Ох, глупая псина, — разозлилась нянюшка.

Было слышно, как распахнулись ставни внизу и кто-то из слуг накричал на Рыжую. Та заворчала, взвизгнула обиженно и замолкла.

Осторожно Велга снова выглянула из окна. Никого.

— Ты ступаешь в новую жизнь, Велга, — послышался миролюбивый голос нянюшки. — Конечно, тебе страшно и чудится всякое. Не переживай, ложись спать. Это последняя твоя ночь в отчем доме.

На горизонте аелел рассвет. Ночь ещё не минула, а солнце уже торопило прогнать Велгу из дома. Она рассердилась, потянула ставни на себя, стремясь скрыться от наступающего дня, когда на подоконник рядом с ней вдруг села чёрная птица.

Велга отпрянула.

— Что это?

— Кра! — воскликнула птица.

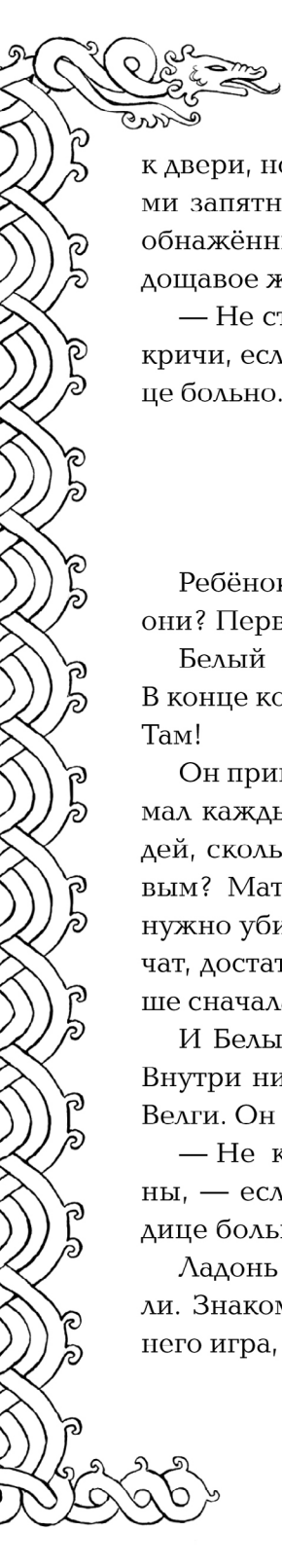
— Кажется, это грач, — пробормотала Велга. — Он уже сегодня садился на подоконник в ложнице матери. Почему он вообще не спит ночью?

— Ох, — нянюшка схватилась за сердце, и в бледном свете месяца было видно её вытянувшееся от испуга лицо. — Дурная это примета, когда грачи прилетают раз за разом. Значит, род обнищает...

— Типун тебе на язык, Бажена! — вспылила Велга. — Это всего лишь глупая птица. Пошла прочь! — она замахнулась рукой.

Он не улетел. Не вздрогнул даже. Грач соскочил с подоконника на пол, и тело его вдруг раздулось, побелело. Перья зашуршали. Кости затрещали. Велга замерла, не в силах закричать. Бажена завизжала, бросилась

к двери, но не успела добежать. Рукой, точно чернилами запятнанной перьями, дверь перед ней захлопнул обнажённый мужчина. Чёрные спутанные волосы, худощавое жилистое тело. Смуглая медная кожа.

— Не стоит, нянюшка, — мягко попросил он. — Не кричи, если не хочешь, чтобы я сделал тебе и господинце больно.

***

Ребёнок должен был попасть в покои матери. Где они? Первая дверь? Вторая? Вспоминай.

Белый из сеней свернул на женскую половину. В конце коридора из-за закрытой двери виднелся свет. Там!

Он приготовил нож. Напряглись мышцы. Он продумал каждый удар. Представил, сколько там будет людей, сколько ударов нужно нанести. Кого убрать первым? Мать, ребёнок, рабыня. Одна? Две? Скольких нужно убить? Как быстро получится? Если они закричат, достать девчонку будет уже сложнее. Значит, лучше сначала заняться ей и вернуться за мальчишкой.

И Белый прошёл дальше. Дверь была приоткрыта. Внутри никого, дальше ещё одна дверь — в ложницу Велги. Он потянулся к ручке.

— Не кричи, — слышался голос с той стороны, — если не хочешь, чтобы я сделал тебе и господинце больно.

Ладонь так и застыла у самой ручки. Пальцы дрогнули. Знакомый голос. Насмешливый, весёлый. Всё для него игра, всё шутка.

Девчонка попискивала тихо, сдавленно. Верно, ей закрыли рот. Старушка, её няня, сдавленно рыдала. Их было трое. Трое. Леший их всех побери!

— Тебе придётся пойти со мной. — За дверью раздались шаги, стукнула крышка сундука. — Не возражаешь, если одолжу одежду? Хех, тесновато, но что поделать? Хороший платочек. Мне идёт, что думаешь? — Грач говорил с привычной ему издёвкой, а у Белого свело зубы.

Грач смеялся над Велгой и её старой няней, а выходило, что над ним, Белым.

— Госпожа, — неслышно выдохнул Белый. — Госпожа, помоги.

Что делал здесь Грач? Почему он пришёл? Почему забрал чужой заказ?

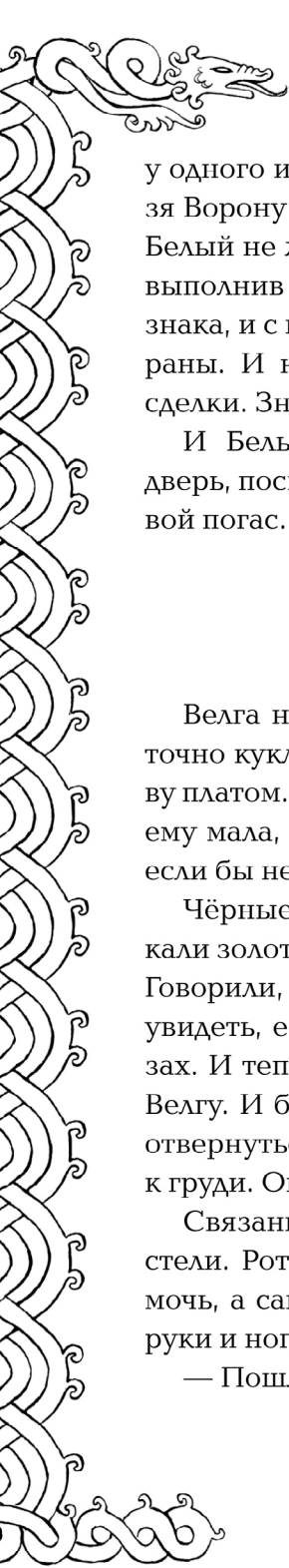
— Не бойся, господица. Просто веди себя тихо, и всё будет хорошо. Нужно идти как можно быстрее.

В груди заворочалась ярость, оплетая холодным чешуйчатым хвостом.

— Одевайся, господица Велга, — слышался голос за дверью. — А ты, бабуся, ложись. Не возражаешь, я завяжу тебе рот, чтобы не кричала? Не обижайся, бабуся, но мне не нужно, чтобы кто-то заметил нас с красавицей Велгой. И да, руки с ногами я тоже тебе завяжу. Вот так, молодец, бабуся. Нам надо уйти по-тихому, господица Велга. И ещё захватить по дороге твоего братика. Вот если твоя мать не будет такой сговорчивой и разумной, как бабуся...

Чешуйки на рукояти ножа были шершавыми. Белый поглаживал их, собираясь с мыслями. Грач не убил Велгу сразу. Значит, кто-то нанял его, чтобы вывести наследников Буриной живыми. Нельзя отнимать заказ

у одного из Воронов — это прогневает госпожу. Нельзя Ворону обидеть Ворона — это прогневает матушку. Белый не желал гневить ни одну из них. Но и уйти, не выполнив договор, он не мог: на запястье горели два знака, и с каждым днём всё сильнее будут кровоточить раны. И ничто не заживит их, кроме выполненной сделки. Значит, Грач не должен ни о чём узнать.

И Белый медленно попятился, закрыл за собой дверь, посмотрел налево. Свет в покоях госпожи Буривой погас.

***

Велга не могла произнести ни звука. Грач одел её, точно куклу, в старый нянюшкин наряд, замотал голову платом. Он и сам оделся в одежду Бажены. Она была ему мала, трещала по швам. Он бы выглядел смешно, если бы не был так ужасен.

Чёрные волосы, смуглая кожа. Тёмные глаза сверкали золотом. Чародей. Оборотень. Бес, истинный бес. Говорили, внутри чародеев жили бесы. Их можно было увидеть, если проткнуть чародея насквозь. Или в глазах. И теперь эти бесовские глаза смотрели прямо на Велгу. И бесы рычали, выли, звали её, а она не могла отвернуться. Стояла не шелохнувшись, прижав руки к груди. Она оглохла и онемела.

Связанная нянюшка тихо хныкала и мычала на постели. Рот ей заткнули. Она пыталась вырваться, помочь, а сама Велга не могла даже пошевелиться, хотя руки и ноги её оставались свободны.

— Пошли, — велел Грач.

Но Велга не поняла сказанного. Слова пролетали мимо, будто не имели никакого смысла.

И Грач сердито зарычал, подхватив её под руки и протащил к двери.

— Отлично. Оставайся такой же тихой и уйдёшь живой.

Живой? Он, кажется, пообещал, что не убьёт её, но голос Грача звучал словно из-под толщи воды, и Велга никак не могла разобрать слов.

У него не было оружия. Чародею оно и не нужно. Лицо он замотал платком, так же замотал лицо Велге, чтобы никто её не узнал.

— Будь умницей и не шуми, — прошептал ей Грач, прижал указательный палец к её губам. — Ты же умница? — он наклонился так близко, что его губы почти коснулись её. Она чувствовала его дыхание на своём лице. — Ты же умница?

Велга закивала, не соображая, какой ей задали вопрос. Если она позовёт на помощь, прибегут гридни отца. Если она позовёт на помощь, успеет ли чародей её проклясть?

Но он сказал... да, он сказал, что не хотел её убивать.

Точно тряпичную куклу, он протащил Велгу к выходу, приоткрыл дверь. Почему никто не проснулся? Почему никто не пришёл на помощь?

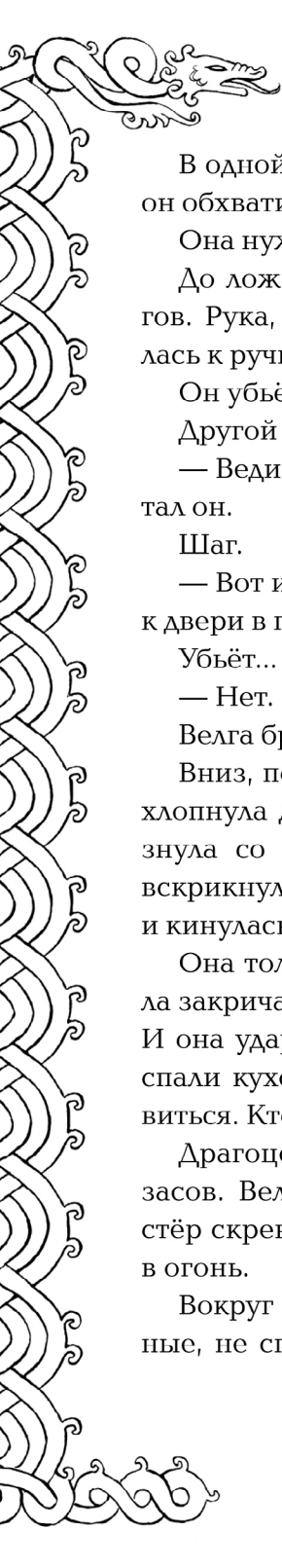
От её покоев до материнских невысказанно долго и невысказанно близко. Велга нужна ему живой, Кастусь тоже, а вот мать нет. Он убьёт мать, если та закричит. Он убьёт матушку. Он убьёт...

От стука сердца можно было оглохнуть.

Он убьёт...

Шаг...

В одной руке незнакомца вспыхнули искры, другой он обхватил Велгу за талию.

Она нужна ему живой. Она нужна ему живой.

До ложницы матери осталось всего несколько шагов. Рука, рождающая огненные искры, уже потянулась к ручке двери.

Он убьёт...

Другой рукой Грач погладил Велгу по голове.

— Веди себя тихо, и я тебя не трону, — прошептал он.

Шаг.

— Вот и умница... — он отпустил её руку, потянулся к двери в покои матери.

Убьёт...

— Нет.

Велга бросилась вперёд.

Вниз, по лестнице для слуг. Быстро-быстро. Сверху хлопнула дверь. Грач погнался следом! Нога соскользнула со ступеньки. Велга упала, ударилась задом, вскрикнула, схватилась за поручень, снова вскочила и кинулась дальше. Сверху затопали.

Она толкнула дверь, ворвалась в клеть. Велга хотела закричать, но не смогла. Крик застрял у неё в груди. И она ударила на бегу в закрытую дверь, за которой спали кухонные, пробежала дальше, не смея остановиться. Кто запер дверь в клеть?

Драгоценное время было потеряно, чтобы поднять засов. Велга вырвалась во двор, туда, где горел костёр скренорцев, и споткнулась, чуть не упала прямо в огонь.

Вокруг лежали люди. Повсюду на земле. Не пьяные, не спящие. Мёртвые. Велга сомневалась только

мгновение. Она хотела сомневаться. Но у костра стоял Инглайв, а рядом с ним ещё пятеро скренорцев. В повозках лежали шестеро человек, не шевелились. Тоже скренорцы. Их знаки. Их лица. Она видела их на свадьбе. Они улыбались ей. А теперь лежали с распахнутыми ртами, с закрытыми глазами.

— Ты рано, — задумчиво сказал Инглайв, щурясь.

Он разглядывал Велгу сквозь пламя костра, что горел между ними.

Он говорил по-ратиславски так чисто. Слишком чисто для скренорца. У тех на языке звучал металл и холодный северный ветер. У Инглайва речь была ладная. Лёгкая. Мягкая. Так говорили ратиславцы.

Велга попятилась было, но шаги позади её остановили.

— Я... там... на меня напали.

Он покосился на своих товарищей, мотнул головой, произнёс на скренорском:

— Разберитесь.

И двое тут же направились к двери, из которой только что выбежала Велга, обошли своих мёртвых товарищей. Кто их убил?

— Не переживай, господица, с нами ты в безопасности.

— Что здесь случилось? — она оглядела людей Инглайва.

— Среди моих людей оказались предатели. Они замыслили похитить тебя, господица, — голос Инглайва был спокойным, холодным, точно зимний рассвет. — К счастью, я вовремя раскрыл их заговор.

— Похитить меня? Зачем?

— Ты дочь господина Буривого. Разве этого мало?

В доме раздался топот. Крик. Велга дёрнула головой, подпрыгнула на месте. Скренорцы насторожились, обошли костёр стороной.

Медленно, скорчившись, на улице показался Грач. Он был по-прежнему одет в женскую одежду, лицо его скрывал платок. Он сгорбился, чтобы показаться меньше.

— Что тебе нужно, бабка? — рассердился Инглайв. — Иди спать, не мешайся.

— Это не... — Велга не успела ничего добавить, встретившись взглядом с Грачом.

Он поманил её рукой, она попятилась от него.

— Пошла прочь, старуха. Видишь, ты пугаешь господицу! — рассердился Инглайв.

Трещал костёр. Сверкали топоры в руках скренорцев, отражая пламя. И вокруг лежали мёртвые. Рослые, крепкие. Велга встречалась с ними не раз в последние дни. Они были весёлые, улыбчивые, любовались невестой своего господина. Они должны были отвезти её на север. И теперь они были мертвы.

Велга крутила головой. Слева чародей. Справа скренорец. И везде смерть.

— Велга, — позвал вкрадчиво Инглайв. — Иди ко мне.

Грач упрямо молчал. Голос выдал бы его, и потому он манил рукой. Слишком смуглой и крупной для старушки.

— Эй, — один из скренорцев обошёл Велгу и направился к чародею. — Ты! Лицо смотреть.

Грач попятился, скренорец схватил его за платок.

— Лицо!

И чародей выкинул руку, с пальцев сорвались искры, полетели прямо в лицо скринорца. Он закричал, уронил топор, закрываясь руками.

— Хи-ить!¹

Грач скинул платок. Он остался в платье нянюшки, закрутился на месте. И искры — золотые искры заклятий полетели с его пальцев.

Велга пригнулась, завизжала. И слышно стало, как в доме поднялся крик.

Она упала на землю. А над её головой засверкал огонь и полетели искры.

— Стой, сука!

Велгу схватили за ворот и, точно кутёнка, протащили мимо костра. Она визжала, вырывалась, но в чужих руках казалась лёгкой, как пушинка. Её встряхнули, вздёрнули вверх.

— Чародей! — закричал Инглайв. — Я перережу ей горло! Слышишь?

Грач взъерошенный, в огромных одеждах нянюшки, в пёстром платке, оскалился. И пламя костра придало его лицу ещё больше уродства. Глаза горели золотом. Бес. Бес.

Велга завывала от ужаса, и Инглайв ударил её по губам.

— Заткнись, сука, — прошипел он, снова встряхивая её за шиворот, приставил нож к её горлу. — А ты, чародей, вали отсюда. Не знаю, что ты на хрен задумал, но лучше не связывайся со мной.

Во дворце нарастал шум.

— Тревога! — раздалось из распахнутого окна. — Тревога! Скренорцы...

---

¹ Дерьмо (швед.).

И слышно было, как десятки пар ног затопали по тёмным ступеням. Зажглись огни.

От страха трясло. Но помощь уже спешила. К ней спешила. Скорее.

Медленно Грач обходил костёр. Он остановился у скренорца с обожжённым лицом. Тот выхватил нож, замахнулся в слепой ярости.

— Убью, — зарычал он по-скренорски.

И Грач взмахнул руками. Огонь из костра поднялся, точно саван, схватил скренорца за руки и утянул к себе. Тот вырывался, выл, кричал. Но чародей даже не оглянулся. Он не отводил взгляда от Инглайва.

А нож в руке Инглайва дрогнул, и Велга пискнула, когда почувствовала, как остриё коснулось её шеи.

— Это ты, скренорец, — рот Грача растянулся в белозубой улыбке, — лучше отпусти господицу Велгу. Не тронь её.

— С этой сукой я могу делать что пожелаю. Ты мне не указ. Уходи, если хочешь жить. Даже прощу тебе его, — он мотнул головой в сторону сожжённого заживо.

Тот откатился от костра, и головешки разлетелись по земле.

Тёмные глаза чародея бегали из стороны в сторону.

Он не решался, гадал, как лучше поступить, когда дверь снова распахнулась и на крыльцо вылетел Данилко. В руках кухонный топорик. Лицо испуганное, как у ребёнка.

— Велга!

А за ним — гридни отца. Они вывалились толпой, и Инглайв с Велгой в руках попятился.

— Тревога! — заорал гридень.

— В бой! — прямо на ухо Велге по-скренорски выкрикнул Инглайв.

И тогда чародей снова вскинул руки. А пламя костра взмыло в воздух, словно птица. И накрыло всё вокруг. Они ослепли от искр, а пламя стреляло, взрывалось, вихрем кружило вокруг.

Велга завизжала. И её вдруг вырвали из рук Игнлайва.
— Сюда.

Она споткнулась, упала. Под ней оказался Данила. Он кашлял, изо рта кровь.

— А-а-а!

Велга отпрянула, поползла в сторону по земле. Её схватили снова за волосы, дёрнули. Она даже не успела понять, кто схватил её, как налетел кто-то другой. И Велгу снова отпустили.

Она упала, откатилась в сторону, сжалась в комочек и посмотрела осторожно сквозь пальцы.

Вокруг творился ужас. Пламя, крики. Она видела Данилу, захлёбывавшегося собственной кровью. Она видела скренорцев и гридней, рубивших друг друга. И не узнавала никого.

А рядом, совсем рядом оказалась дверь.

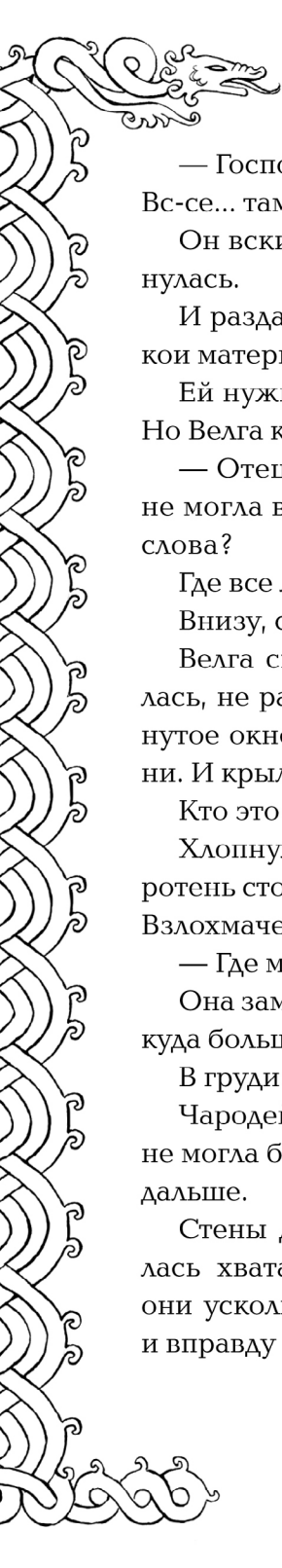
Через неё можно было попасть обратно в дом, к другой лестнице, что вела сразу на мужскую половину. Там был отец. Он мог её защитить: от чародея, от скренорцев, ото всех, кто потерял разум в эту ночь.

И она бросилась внутрь, дальше наверх по ступеням. На мужской стороне горел свет.

— Отец! — распахнув дверь, она вдруг поняла, что руки её тоже в крови.

Но там пусто. Одна клеть, другая. Никого. Только холп, дрожавший в углу.

— Господ-диц-ца, — заикаясь, проговорил он. —
Вс-се... там...

Он вскинул руку, ткнул куда-то в стену. Велга обернулась.

И раздался крик — дальше, там, где находились покой матери.

Ей нужно было бежать. Ей нужно было спрятаться. Но Велга кинулась вперёд.

— Отец! — она пыталась позвать на помощь, но не могла вспомнить ни одного слова. Ничего. Где все слова?

Где все люди?

Внизу, с улицы, раздался дребезг.

Велга споткнулась на ровном месте, упала, поднялась, не раздумывая, не медля. И выглянула в распахнутое окно. Внизу горели огни. Внизу горели конюшни. И крыльцо дворца. И люди. Столько людей.

Кто это начал? Как это вообще произошло?

Хлопнула дверь. Велга взвизгнула, обернулась. Оборотень стоял позади. В женской одежде. Разъярённый. Взлохмаченный.

— Где мальчишка?

Она замотала головой. Он проскочил мимо. Туда, откуда больше не раздавались крики.

В груди похолодело. Почему никто не кричал?

Чародей скрылся за поворотом. Но Велга больше не могла бежать. Шатаясь, словно пьяная, она побрела дальше.

Стены дворца кружили вокруг Велги, и она пыталась хвататься за них окровавленными руками, но они ускользали из-под пальцев. В ушах звенело. Или и вправду звенели клинки?

Она снова споткнулась, упала, села на пол, хватаясь за голову. Пахло дурно. Дымом пахло.

Велга попыталась встать, но рукой оперлась о что-то мягкое и взвизгнула.

— Н-нянюшка, — вдруг и она начала заикаться.

Старуха лежала неподвижно. Из распахнутого, точно ларец, горла текла кровь.

Даже закричать не получилось. Вместо крика изо рта вылилась жидкость. Велга утёрла рот, закашлялась, выплёвывая остатки рвоты. Слюна и слёзы потекли по подбородку.

Нянюшка. Данила. Мама...

Сознание вернулось точно по щелчку. И Велга подскочила, снова приходя в себя. В покоях матушки кричали. Туда побежал чародей.

Она пошла быстрее, путаясь в подоле рубахи. Звенели височные кольца в ушах.

— Матушка!

Дверь распахнута. Внутри темно. И у окна двое. Обнявшись.

— Матушка...

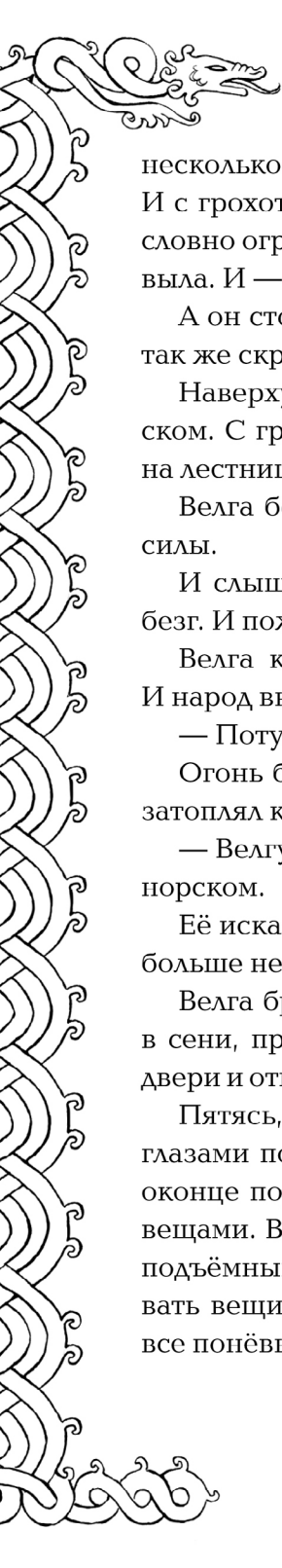
Они молчали. Мать — Велга могла узнать её даже в кромешной тьме — медленно осела на пол. Мужчина выпустил её из объятий, отёр нож. Нож.

Лицо его не разглядеть. Ничего не разглядеть. Только матушку. На полу.

— Велга! — её схватили за плечи. Лицо Мухи вырвалось из мрака, и её голос закричал: — Убегай! Они за тобой.

Но Велга не могла сдвинуться с места. И её выпихнули из покоев. К лестнице. Муха распахнула дверь, толкнула Велгу вперёд, и та невольно пробежала на

несколько ступеней вниз, как вдруг услышала вскрик. И с грохотом, ломая поручни, ударяясь о балки, вниз, словно огромная птица, пролетела Муха. Она визжала, выла. И — хлоп — замолчала.

А он стоял там, наверху. Всё так же держа нож. Всё так же скрываясь в тени.

Наверху раздался топот, рёв. Кричали на скренорском. С грохотом открылась дверь, и кто-то выскочил на лестницу, занёс топор.

Велга больше не смотрела, она побежала что было силы.

И слышала, как позади нарастал шум, крики, дребезг. И пожар. Весь дворец охватил пожар.

Велга кинулась к кухням, но там заперли двери. И народ внутри кричал, визжал.

— Потушите! Потушите!

Огонь был везде. Он лез сквозь щели отовсюду, он затоплял каждую клеть, каждый угол.

— Велгу! Найдите Велгу! — послышалось на скренорском.

Её искал Инглайв. Он больше не был другом. Никто больше не был другом. Её друзья мертвы.

Велга бросилась прочь от кухонь в другую сторону, в сени, пробежала через них, распахнула следующие двери и отпрянула. В проходных вовсю уже гулял огонь.

Пятясь, она уткнулась спиной в стену, забежала глазами по сторонам. Перед ней — только крохотное оконце под самым потолком. В сенях — сундуки с её вещами. Велга схватилась за ручку одного из них. Неподъёмный. Она распахнула крышку и стала выкидывать вещи одну за другой. Все её платья, все рубахи, все понёвы, все кафтаны — всё полетело на пол.

Наконец, сундук получилось перетащить, и, забравшись на него, Велга смогла дотянуться до окна. Кто другой бы здесь, может, и не пролез, но она была совсем крохотной, протиснулась, оттолкнулась руками и упала на землю.

Она не почувствовала боль, тут же вскочила на ноги и, не размышляя, не медля, побежала через сад прочь от дворца.

Сад полыхал, и тысячи огненных мотыльков витали вокруг цветущих яблонь, пожирали цветы, вгрызались в кору. Сад умирал, и над ним огромным костром возвышался дворец. Он скрипел и стонал, пытаясь устоять. Но вот с рёвом обрушилась крыша, и закричали люди, разбегаясь в стороны.

Велга стояла на другом конце сада, не смея вернуться и не в силах бежать дальше. Её дом умирал. Он разлетался на искры и пепел, что с дымом уносил прочь ветер. И она хотела кинуться назад, к родителям, но знала, что найдёт только их окровавленные тела. Быть может, и их уже не стало? Быть может, их успел забрать огонь?

Всё, всё забрал огонь.

Яблоневый сад из белого раскрашивался в алый и чёрный. Яблоневый сад погибал, а Велга ничего не могла сделать. В глазах рябило от алого и чёрного, а огненный ветер сушил слёзы на щеках, обжигал лицо.

Он показался на другом конце тропинки. Кажется, он не боялся огня, а может, огонь перед ним расступался. Тот, кто был в спальне матушки. Он пришёл за ней — это точно.

Неминуемый, неизбежный. Велга подумала, что больше ей не скрыться. Не от него. Кем бы он ни был.

Из всего, что она увидела той ночью, он показался ей самым чудовищным.

И он шёл прямо. К ней.

За спиной его со стоном накренилась башня, она сгорбилась, сложилась и с грохотом рухнула на землю. С улицы донёлся возглас.

Он обернулся, и Велга поняла, что он ранен. Он двигался тяжело, держался за бок. Она наблюдала как заворожённая и не понимала, зачем оставалась на месте, зачем позволяла ему себя увидеть, чего ждала. Он сделал шаг, ещё один и вдруг упал, закрыл голову руками. И сад окружил его и Велгу. И пепел, и искры, и чёрный столб дыма полетели от дворца над деревьями, накрыли, словно волна. Всё заволокло чёрным. Дымом, сажей, пеплом.

Велга закрылась руками, закашляла. Воздух опалил лицо, и белые лепестки полетели по земле под ногами.

Сад цвёл с тех пор, как построили Город, что позже стал Старгородом. Сад пророс корнями в землю, он стал частью этой земли, и многие-многие века Буриовой гуляли по нему и вкушали его плоды. А Велга наблюдала последнее его цветение, когда яблони распустились огненными бутонами.

Когда рассеялась тьма, Велга наконец увидела, как человек поднялся на колени и вскинул голову. И только заметив Велгу, он поднялся. И пошёл. Быстро, ловко, как кот, готовившийся напасть на мышшь.

В стороне закричали на скренорском. Вдоль частокола бежали люди Инглайва. Велга пискнула, нырнула в кусты, царапая руки, прорвалась к частоколу.

С другой стороны залаяла Рыжая. Подкоп. Здесь же был подкоп. Где? Велга упала на колени, поползла и на-

конец среди крапивы и осоки нашла яму, вырытую собакой, прижалась грудью к земле, подтянулась руками.

Её ладони облизал горячий собачий язык. Велга ногтями вгрызлась в землю. Крутлый зад никак не желал пролезать. Она толкалась носками от земли, подтягивала себя руками.

— А-а! — позади раздался крик, зазвенела сталь, завязалась драка.

Кто-то ворвался в заросли. Велга услышала шаги совсем рядом.

Визгливо залаяла Рыжая и заскакала вдоль частокола, поторапливая её. Велга закричала в отчаянии, быстро-быстро перебирая ногами. Позади раздалась хрипы и удары. Кто-то приближался. Лаяла собака. Рычал пожар.

Велга оттолкнулась изо всех сил, наконец протиснулась, но вдруг её схватили за ногу. Велга заверещала, упёрлась другой ногой в забор. Она ползла уже на спине, хваталась за траву, выдирала её с корнями. Из дыры вылезла сильная окровавленная рука, вцепилась ей в лодыжку, дёрнула, и Велгу потянуло назад. Из зарослей выскочила Рыжая, впиалась клыками в руку.

— Хить!

И Велга наконец вырвалась, отползла, вскочила. Лодыжку жгло, словно чужая ладонь до сих пор держала её.

За забором не утихала драка. Как скоро они вспомнят о ней? Велга не желала знать. Она развернулась и побежала вниз к оврагу и дальше, по берегу ручья, перепрыгивая с камня на камень, ловко, как делала сотни раз в детстве. Рыжая бежала за ней прямо по воде, и она плескала весело, звонко, точно насмехаясь над смертью.

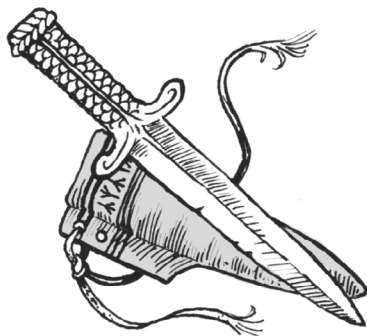
Вниз по ручью, к берегам Вышни.

А вокруг, со всех сторон, пробуждая город, зазвенели колокола. И весь Старгород проснулся с вестью: беда. Пожар. Смерть.

И всё дальше от смерти, дальше от огня убегала Велга. По камням, по ручью, по узким потайным тропкам — к реке.

Над Вышной поднимался белый кисельный туман, и в нём Велга скрылась среди зарослей лопухов, осоки и буйно цветущей черёмухи. Там она упала без сил и дрожала от страха и боли. Там она стонала тихо, не пролив ни единой слезинки, так, чтобы её не обнаружили. И там же рядом с ней лежала Рыжая, согривала, прижавшись тёплым боком, лизала руки и лицо. Велга зарылась лицом в её шерсть, и собака терпела, даже когда хозяйка сильно, сжимая кулаки, дёргала за шерсть.

Журчала река, утекая на юг. Шумела черёмуха, а над городом поднимался дым, и колокола в часовнях беспокойно звенели. Ночь прошла, и наступило утро, когда Велга должна была навсегда покинуть Старгород.

Узнать больше о книге
вы можете на нашем сайте

На полную версию книги вы можете
оформить предзаказ на OZON

Присоединяйтесь к Кислороду, чтобы быть
в курсе самых свежих новинок и анонсов!

